

Игорь Агафонов

Алхимик

Повести и рассказы

Игорь Агафонов

Алхимик. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Агафонов И.

Алхимик. Повести и рассказы / И. Агафонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744731-1

Любое произведение И. Агафопова — это как если человек азартно прожил ещё одну интереснейшую жизнь. Для автора главное — сам житейский материал, именно он диктует ему и средства выражения. Оттого, очевидно, и непохожесть всех написанных им вещей... Крепкий сюжет почти детективной истории, а следом пронзительная лиричность взаимоотношений персонажей... Словом, высокой пробы художественность — бесспорное достоинство всех его рассказов, повестей и романов.

ISBN 978-5-44-744731-1

© Агафонов И.
© Издательские решения

Содержание

За лося	6
Карты-картишки...	13
Предпоследний романтик	32
Опять двадцать пять	39
Бао—бабы	45
Фокус	57
Марина	61
Не судьба	65
Ниночка	67
Вера, ау!	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

АЛХИМИК
Повести и рассказы
Игорь Аркадьевич Агафонов

© Игорь Аркадьевич Агафонов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За лося

К нему нередко наезжают студенты – и симпатичные девчонки в том числе. Тогда ветерок доносит звуки музыки и запах шашлыка. И мне давно хотелось побывать у соседа – вдруг посчастливится поучаствовать...

Дача Бориса находится неподалёку от моего *скворечника*, я уже бывал там однажды – рубанок просил. Теперь же понадобился гвоздодёр.

Сосед развешивал на протянутые по комнате верёвки туристическое снаряжение: палатки, спальные мешки...

– В гараже лежало – отсырело, – сказал он вместо приветствия. – Хочешь – не хочешь, а проветривай, иначе останешься с кучей прелых тряпок.

– В поход собираемся?

– Это трудный вопрос по нынешним временам... Дадут если зарплату к весне, тогда, может, сравним цены на крупу и билеты с нашими возможностями. А пока остаётся надеяться на лучшее. И сушить...

Дом Бориса представлял собой экспериментальный объект. Как, впрочем, наверное, все объекты подобного типа: строились они в недавние времена из подручного материала, так что именно это обстоятельство и диктовало архитектуру. Посреди комнаты, оставляя у стен лишь небольшие коридорчики, громоздилась печь – гордость хозяина: война радикулиту, как он её называл в прошлый мой визит. Под печью в подвальном помещении, куда уводила винтовая лесенка, размещалась парилка... Собственно, печью называть сие сооружение будет неправильно, поскольку это был своего рода муляж. Настоящая железная печь находилась именно в парилке, и от неё по всему периметру кирпичной лежанки кольцами шёл дымоход, который и нагревал кирпичи.

– Слушайте, Борис, я только сейчас обратил внимание, что домишко ваш несколько кособок.

– Хм, понятно кособок. Одну стену громоздил я сам, а другую – мой друг по имени Влад. Рублетки под рукой не случилось, вот и мерили шагами. Я своими – метровыми, он – своими, сантиметровыми. Так что с моей стороны семь метров, а с его шесть, а то и меньше.

Борис посмотрел на меня, похлопал ладонями по своей мощной груди:

– Как насчёт домашнего винца из прошлогодних яблок? – и, не услышав с моей стороны возражений, полез в подпол.

Потом мы сидели за грубо сколоченным столом у окна, за которым вдруг потемнело и завьюжило, пили вино и разговаривали, вернее – Борис рассказывал истории из совей походной жизни.

– Ну что, ещё по кружечке?..

Я обратил внимание, что когда Борис увлекался, то становился похожим на усатого хватушника с пером в шляпе (картина «Три охотника», кажется), но никак не на профессора истории. Вот и сейчас он глянул на меня с лукавым прищуром и начал:

– Туристы делятся на две категории – по фасону обуви. Одни из них ботиночники и не признают другой обуви, кроме башмаков, другие ходят только в сапогах – они, стало быть, сапожисты, и ботинок на дух не переносят. Аргументы и у тех и у других неоспоримые. Нет, и у тех и у других ноги постоянно мокрые. Это само собой. Но при этом ботиночники утверждают, что у них ноги чище, потому что вода чаще вливается и выливается. На что сапожисты отвечают не менее резонно: зато у них вода теплее, как раз потому, что – реже обновляется. Так вот Ванька, так вот он, когда собирался в поход, долго думал, какую обувь ему предпочесть, спрашивал у меня, и я ему говорил: ну ты же видишь, я ботиночник. Он на это: вон

твой лучший друг Влад – сапожист. И куплю-ка я себе сапоги. И принесли ему офицерские на яловой подошве. Но если Влад ходил в сапогах-ледорубах на резиновой подошве и с укрепленным носком – топором не разрубишь, то Ванька наш в офицерских, значит, решил трудности преодолевать, и в результате на всяком дождичке, на всякой мокроте и особенно на камнях скользил, как корова на льду. То бишь я к чему клоню: можно быть приверженцем чего угодно, но при этом понимать дело поверхностно.

Борис посмотрел на меня с ещё более лукавым прищуром, отчего мне подумалось, что мной интересуются как исходным материалом для будущих походов, и поэтому поднял свою кружку с вином. Мы выпили и Борис продолжал:

– А сие мероприятие произошло ещё на заре моей преподавательской деятельности и соответственно на пути к Саянам. Возникла, так сказать, острая необходимость полететь на самолёте, или точнее – на самолётике. И я, как командор, то бишь глава экспедиции, бодро пошагал на переговоры с лётным составом, который, пользуясь благоприятными условиями, вёл успешное наступление на зелёного змия, принявшего облик ящика с бомбами «Агдама», помните, наверно, такие зелёные бутылки пузатые, из крепчайшего толстого стекла, по ноль восемь литра. Стучусь в дощатую дверь, вхожу, докладываю по форме: я такой-то и такой-то, кандидат наук, и питаю надежду на их классные лётные качества. Они мне говорят на это: «Ты что, не видишь, чем мы заняты?» Я снимаю очки, протираю их носовым платком, снова водружаю на место и резонно так замечаю: мол, вижу я, но не вижу другого – чем это может им, ассам самолётной школы, помешать совершить перелёт. «Ага, – говорят они, – ты нам нравишься. Садись, выпей с нами». А я, по секрету скажу, в то время ещё не употреблял. Ни горького, ни кислого. Но они мне показывают на пустой ящик из-под вина и говорят «садись». И я сажусь. Они мне наливают пивную кружку «Агдама» и просят сказать тост. Тост я им сказал, они остались довольны, затем я без передыху осушил кружечку и, пока, чувствую, могу ещё торговаться, заговорил о деле. У меня, говорю, всего десять человек, по семьдесят кило каждый в среднем. Они обрадовались и говорят: «Слю-ушай, это почти столько, сколько мы можем взять всего груза. Так что поклажи твоей должно быть ещё не больше двухсот кило. Понял? А у тебя сколько?» А у меня – сомневаюсь, надо ли признаваться – было пять байдарок, несколько ящиков тушёнки, палатки, спальные мешки, надувные матрасы... кстати, с тех пор мы перестали их с собой брать. В общем, аксессуаров набиралось весом ещё около тонны. Или чуть больше – забыл, сколько ящиков с тушёнкой. Выдержав паузу – якобы подсчитываю в уме, – скромно, но убеждённо докладываю: «Примерно столько, сколько вы хотите». – «Да? – засомневались пилоты. – А куда ж вы держите путь, если не секрет?» – «В Саяны, вестимо.» – отвечаю невозмутимо. – «И у вас всего двести кило на десять человек?» – «И что?» – удивляюсь я в свою очередь. – «Да нет, ничего.» И мы продолжили торг. Дёрнули мы ещё по кружечке, и они говорят: «Ну ладно, мы тебя заберём, если у тебя всего двести килограммов на десять человек. Самолёт берёт тонну двести, и ты нам подходишь, по весу. Короче, сейчас выпьешь с нами ещё бутылочку-бомбочку и пойдёшь на взвешивание. Взвесишь свои пожитки и принесёшь нам бумажку, в которой будет сказано, что у тебя двести килограммов груза. Если больше, то мы тебя не возьмём.» Хорошо, выхожу я в соседний зал, в этот рубленый из громадных брёвен барак, к своим ребятам и говорю примерно так: «Сс-слушай м-меня в-вним-мательно!» – «Командор, ты что?!» – ребята мои в натуральном восхищении. – «Я нарушил с-спортивный р-режим. В-вы м-можете меня п-покарать...» Все поворачиваются к завхозу, потому как именно в его компетенции вся еда и всё питие. Ну, наш завхоз... А завхозы, чтоб вы знали, бывают двух типов: рубаха-парень – это тот, у кого к концу маршрута нечего есть и нечего пить, из-за чего приходится сосать лапу; и сволочь – тот, у кого зимой снега не выпросишь, но в финале оказывается бутылка и к ней закусь. Вот наш завхоз был сволочь. Он почесал за своим круглым ухом, подумал и сказал: «Ну-у, он пил не наше – это можно.» Тогда я сообщаю: «Р-ребята, я д-договорился. Завтра утром л-летим.» Все: ура, качай

командора! Четыре девочки бросились меня целовать. Я их попридержал: пока не улетим, ни одного поцелуя. А чтобы вам стало ясно, почему все так обрадовались, скажу: мы прошли уже изрядное количество километров, и проплыли изрядное количество речек, и кое-кто уже вспомнил и маму и папу. И полетать немножко на самолёте всем очень и очень хотелось. Но – дальше, я же не сказал ещё главного. А именно: «Д-друзья, у нас должно быть двести кило груза – таково решение местного ж-жюри.» Все на некоторое время онемели, затем: «Как? Как ты сказал?!» – Я им: «Спокуха! Спокен-бокен. Вы не ослышались.» Тогда мне завхоз, этот наш сволочь, и говорит: «К-командор, у нас с тобой на двоих как раз двести. И нам двоим, в общем, хватит и жратвы и питья. На двоих. А всего, для ясности и безоблачности, доложу, тонны этак полторы. – И выразительно пожал плечами. – Не меньше». Тогда я начинаю разговаривать совсем другим тоном: «Ро-обя, – говорю медленно, чтоб дошло до сознания, – у нас должно быть двести килограмм и никак не полторы тонны... Или топайте пешком. Другой аль... аль... тернативы нет!» Но и это не проняло их до полного соображения, вижу – приуныли мои ребята. «Так, – говорю я им тогда уже как педагог, – значит, выкладываем из рюкзаков всё! – И беру для наглядности за шиворот один из рюкзаков и вытряхиваю из него на землю всё его содержимое. – Оставляем вот так – пустой картонный ящик внутри. И шагом марш на взвешивание!» – «А с байдарками как быть?» – спрашивают меня опять. Ну не бестолочи? – «Оболочку оставить, железо – вон!» И – пошли мы на взвешивание. Весовщица взвешивает и пишет номер груза. Груз номер один – рюкзак – четыре с половиной кило. И невдомёк ей, чалдонке, что с таким огромным рюкзаком, в котором всего-навсего четыре с половиной, никакой болван в тайгу не пойдёт. Не пойдёт и всё. Потому что три с половиной килограмма весит только сам рюкзак. И таким образом у нас набралось двести шестнадцать килограммов на всех. А если учесть, что лишний пуд мы запросто до утра съедим, вдесятером-то, то вообще никаких проблем. Беру я эту справку, прошу поставить штампик, чтоб уж точно поверили товарищи пилоты, и – прямёхонько к летунам на повторное собеседование. Они уже к тому времени половину ящика с бомбами опорожнили и обрадовались мне несказанно. «Двести шестнадцать килограмм? И лишнее съедите до утра? Летим! С тебя сто рублей и два литра спирта». – «Нет, ребята, – возражаю, – двух литров у меня нет. Могу дать сто двадцать рублей и один литр. Эн-зэ» – «Не-ет, – говорят в унисон оба пилота, – зачем нам твои рубли! В Сибири, знай, валюта такая: первым делом спирт, вторым – водка, а уж третьим только – рубли. Ну да ладно, у тебя честный взгляд, ты с нами выпил два литра „Агдама“, мы тебе верим. Договорились: сто рублей и литр спирта. Только чтоб утром на посадке были, как суслики с восходом солнца.» Я возвращаюсь к ребятам и докладываю: «Р-ребята, – говорю им, – не знаю, как насчёт сусликов... а сейчас спите спокойно, но утром всё наше имущество должно быть впихнуто в пятнадцать мест!» – На что мне ехидно так отвечают: «Командор, как ты себе это представляешь?» – «Р-ребята, – уже я в пик им спрашиваю ехидненько, – мы пятнадцать мест взвесили? Тогда о чём галдеж?» – «Командор, – сказал мне тогда мой первый помощник, – в пятнадцать мест всё не поместится». – «Витя, детка, – сказал я тогда проникновенно, – д-должно поместиться.» Утром мы встали и, пока дежурные готовили пищу, чтобы съесть лишние шестнадцать кило, остальные сосредоточенно упаковывались. Когда все рюкзаки были заполнены до отказа и завязаны, оказалось, что ещё шесть ящиков тушёнки, сгущёнки и прочих вещей лежит снаружи. Тогда я говорю: «Я уйду, ребята, но!.. через двадцать минут вернусь, и у кого не будет запаковано и приторочено, тому достанется увесистый пинок командорской толчковой правой ногой. А вы знаете, я слов на ветер не бросаю!» – поворачиваюсь и удаляюсь. Надо сказать, это было самое сложное для меня в этом походе – прогулять двадцать минут без всякого дела. Но когда я вернулся, мои друзья-товарищи были все до единого взмокши, но вполне довольны. И мы отправились на посадку. Впереди у каждого висит рюкзак, на спине – рюкзак (ну или байдарка, куда мы также впихнули по ящику продуктов). И ещё на правой ручке висит лёгонький такой баульчик – всего лишь килограммов на двадцать-тридцать. Но так как рука не выдер-

живает нести его непринуждённо все эти метры до посадки, то капроновый фал, верёвочка такая восьмимиллиметровая, опоясывает твою шею и незаметно через рукав помогает руке... И чтоб совсем уж сбить со следа самых пытливых и сообразительных приёмщиков-контролёров, через локоток элегантно перекинут плащик или что-нибудь там ещё эндакое лёгонькое – в виде шарфика. И была дана команда: всем идти с искренней улыбкой! Но когда первый из нас добрался до самолёта и сбросил в его нутро свой груз, у меня у первого улыбка сползла с лица. Потому что самолёт покачнулся и присел. Пришлось грозно остеречь: «Эй, не поломай аэроплан раньше времени!» И остальные разгрузились уже аккуратнее. Тем более как раз явились пилоты. «Ну что, погрузились?» – «Само собой.» – «Ну так – так, поехали. Что-то у вас тут многовато груза». – «Да он у нас такой пухлястый». – «А, пухля-астый? Ну раз груз пухлястый да вас десять человек всего, то мы сейчас подъедем к дыре в заборе и возьмём ещё одного туриста.» Самолёт развернулся, подрулил к дыре в заборе, тормознул, из дырки выскочил мужик, быстренько подбежал к самолёту, кинул свой рюкзак, отчего самолёт опять просел, и радостно воскликнул: «Может, я ещё и догоню своих!» Мы не возражали: «Конечно, догонишь. Главное теперь – взлететь». Тут самолёт, не мешкая, пошёл на взлёт. Дыр-дыр-дыр-дыр... М-м-м-м... Бых! Первый пилот поворачивается и лично мне говорит: «Свистишь, браток! Тут не двести килограмм.» Я ему: «Ты что, читать не умеешь?» – и протягиваю бумажку со штемпелем. Тогда он поворачивается ко второму пилоту: «Ну, написано пером... не вырубишь топором. Разворачивай!» И вот мы вновь мчимся по полю. Дыр-дыр-дыр-дыр-дыр!.. Б-бух! – опять сделали козла, то есть подпрыгнули, как мячик от асфальта. Но не остановились – вперёд мчим, к победе коммунизма: дыр-дыр-дыр... Бу-бух! И – едва затормозили у самого забора. Очень выразительно. Хотел я *левому* туристу сказать: «Вылезай, приехали», но не стал портить ему радостное настроение погони. Тем более что ко мне уже оба пилота повернулись с отчаянным выражением на лицах, и в унисон: «Свистишь-таки, бат ты наш! Тут явно не двести килограмм, тут цельная тонна!» На что мне пришлось возразить: «Ребята, если вы не можете даже за литру спирта взлететь, я найду другой аэроплан.» – «Ну! – сказали они. – Попробуем ещё разок другой. Но ты садись рядом с нами – для баланса». И пришлось мне между ними умашиваться на корточках. Самолёт взревел, задрожал от нетерпения, но тормоза прижали его к земле. Мотор надрывался так, что мне почудилось, что на дальней окраине Юдинска, возле слюдяной фабрики, на которую мы вчера забрели по ошибке, думая, пекарня, аборигены подумали: свершается эксперимент века! Наконец, тормоза отпустили, и мы сорвались, как перестоявший конь. Вперёд, вперёд – приподнимаемся! – и снова с треском об грунтовку трых! Подпрыгнули, отскочили от земли метров на несколько, перемахнули забор, чуть не коснувшись его колёсами и потянули-таки, потяну-ули! – чых-пых, чих-пых... Мама родная, помоги! И когда мы вот так взлетели и ушли за территорию аэродрома, первый пилот сказал второму, так, точно меня между ними не было и в помине: «Здесь не двести килограмм, больше.» – На что я резонно возразил: «Это у *левого* туриста такой рюкзак. Слыхали, как он им бухнул.» – «Ну что ж, – вздохнули пилоты, – сами виноваты. Не выбрасывать же его... Полетим.» И так мы некоторое время летели молча, пока первый не сказал второму: «Н-да, с таким *левым* рюкзаком нам перевал не переползти». – «Да, – согласился второй, – перевал нам не одолеть с таким рюкзаком. Что будем делать?» Я хотел им подсказать: выбросьте этот тяжёлый рюкзак хотя бы, но вовремя смекнул, что одним рюкзаком не обойтись. «А! – сказал первый пилот, – вырубай автоответчик. Где наша не пропадала.» И стали они поочередно, зажимая ладонью микрофон, вызывать: «Аллё, это первый, первый, первый?... Ноль-пятнадцатый на взлёте. Ложимся на курс. Что-то вас плохо слышно. Что-то совсем не слышать...» А им в ответ доносится: «Да и вас плохо слышно.» – «Что такое, что такое, не понятно...» – и вырубили рацию, и вместе с нею, как я догадался, выключился автоответчик... или самописец? Я забыл. Контроль, короче, отключили. И мне было сказано: «Пойдём по ущелью, раз такой рюкзак неподъёмный. Но никому не говори, запрещено по ущелью-то.» – «Ну мне-то всё равно, – говорю, – был бы мой рюкзак,

а то...» Короче, летим. По ущелью. Слева – скала, в пятнадцати метрах, справа – в десяти. Сидящие слева ликуют: «Ура, до скалы двадцать метров!» Сидящие справа шепчут: «Э! Э-эй! Что-то слишком близко камушки!» А на встречных потоках самолёт болтает, раскачивает его из стороны в сторону, как бумажный. И два моих летуна вцепились в штурвалы и глядят только вперёд. Наконец, первый второму: «На круг пойти не сможем.» Второй специально для меня: «Не дёргайся, будем садиться без захода.» И как потом я уточнил, это означало, что сразу за скалой начиналась змейка – другое ущелье под углом в девяносто градусов к нашему, и внизу протекала река Гутара. Фокус заключался в том, чтобы не промазать мимо аэродрома. Вот мы круто повернули, чуть не касаясь крылом о скалу, и сразу на посадку. Вижу, на зелёном поле пасутся четыре пятнистые коровы, и мужик какой-то меж ними равномерно взмахивает косой. Коров удалось облететь, а мужику пришлось падать навзничь, иначе мы сбили б его колёсами. Приземлились, остановились и ещё сквозь рёв двигателей вдруг слышим фольклорные выражения некоторых русских, проживающих среди некоторых других народностей. Пилоты мне и говорят: «Выходи-ка ты первым, мы и без того нонче утомились.» Я не то чтоб возразил, но поинтересовался, на всякий случай: «Кто ж это так живописно нанизывает слова на общеизвестный русский корень?» – «Начальник аэродрома,» – осведомили меня пилоты и заглушили двигатель. И, в общем, зря, рановато, потому что этот местный начальник всё ещё продолжал выражаться в прежнем духе. Поэтому дальше я буду сразу переводить на обыкновенный разговорный. Начальник меня спросил, зачем мы к нему прилетели? Он нас не звал. Он два часа назад объявил по рации, что закрыл аэропорт. По метеоусловиям. Я возразил: условия замечательные – солнышко светит, коровки пасутся... Тогда дядя начальник уточнил: он не всю ещё траву скошил, а потому убирайтесь вон! Тогда я перешёл на официоз и отпартовал, что в их край непуганых коров прибыла экспедиция хреноморковной академии для выяснения, так ли тут запуганы коровы, как рассказывал сын начальника аэропорта Алёха, коего экспедиция встретила на верхнем полке в Нижнеудинской бане. «А-а! – взревел начальник пуше прежнего. – А-га! Этот х-хмырь ещё жив?!» И дальше выясняются подробности, что этот сын как исчез семь лет назад из родительского поля зрения, так и не объявился до сих пор. Вот так мы добрались до Верхней Гутары, и одна туристка по имени Кэт кинулась мне на шею и вскричала: «Командор! Дай я тебя расцелую!» И командор ей сурово отвечал таким образом: «Погоди, милая, дай закончить разговор с начальником аэропорта...»

Однако здесь уже не мне, а начальнику аэропорта не дали продолжить рвать и метать и, главное, самым бесцеремонным образом. Откуда-то сверху из-за пригорка вылетает неожиданно бричка, не плоше нашего самолёта, но запряжённая рослой мохнатой лошадью и прямоком мчит к нам. Подлетает и два человека монголоидного типа во всё горло, точно кругом все глухие, кричат:

– Е-эй, началник, что привезли – водку или вино?

Дядя начальник как-то сразу успокаивается, чешет шею, сурово отвечает:

– Не-ет, – таким тоном: мол, шустрые вы больно, разбежались, отчего сразу становится ясным, какая у них тут на сей счёт конкуренция по части спиртного. – Туристы прилетели.

– А-а, тури-истов привезли. – И тишина после оглушительного крика такая возникает, что слышно, как потрескивает у нашего самолёта перегревшийся мотор. Потом подходят и говорят уже достаточно спокойно: – Е-эй, туристы, почему вы нам не привезли водки?

Все почему-то – мои ребята, пилоты и *левый* турист – разом на меня поглядели, поэтому отвечаю за всех:

– А почему мы вам должны привезти?

– Дак у нас же снабжение из Москвы. Вы из Москвы?

– Не, – говорю, – не из Москвы. Мы из Тьмутаракани. Из Костромской морковной академии.

– Да? А что такое Кострома? Это дальше Москвы или ближе?

– Ну, вам, похоже, всё равно. Для вас что Москва, что Кострома – всё рядышком. Кострома на Волге.

– А что такое Волга?

Я по натуре просветитель, вследствие чего даже на самые-самые каверзные вопросы мне интересно отвечать:

– Это река такая, широкая.

– Ширше нашей Гутары?

И тут мы почему-то все хором отвечаем, с подъёмом, с неподдельной, так сказать, гордостью и патриотизмом:

– О! Раз в сто, если не больше!

– Да ты что?! – и некоторое натуральное замешательство возникло в стане аборигенов, затем с недоверием: – А чего ж вы тогда сюда приехали к нам?

– Походить, посмотреть.

– Так у вас же река ширше, чего ж вы здесь не видали?

– Да вот мы не видели такой узкой реки, которая быстро несёт свои прозрачные воды... потом хотим пройти пешком.

Аборигены слегка подумали:

– Ну идите.

– Ну пойдём.

Такой вот, примерно, разговор получился у нас с местным населением. Имя этому племени тофолары. Их всего-то по переписи семьдесят девятого года двести двенадцать штук на всём земном шаре, а именно в верховье реки Гутары, в двух посёлочках – Алыгджере и Гутаре.

Наши девочки пошли в магазин посмотреть, что да как (потом рассказали: индийский чай в килограммовых пакетах на полках, яичный порошок, масло сливочное и вино, но по разрешению местного совета), а мы продолжили наше общение с тополарами. Они подходят к нам снова – мы грузом своим занимались – и говорят:

– Слушайте, ребята, идёте к нам, переспите с нашими жёнами и дочерьми.

Мы слегка опешили, с непривычки. Они говорят: вы не бойтесь, мы детей на себя запишем. Свежая кровь нам нужна, а то дети болеют, помирают, кровь не сворачивается у них. Они нам и паспорта показали и про то, что правительство разрешило им бесплатно до Нижнеудинска летать на...

– И что, летаете?

– Не-ет!

Вот таким образом завершился наш перелёт.

– Ну ты как, ещё по кружечке? За лося!

– За лося?

– Да, чтоб жилося, чтоб пилося, чтоб... ну сам понимаешь.

Я согласно поднял очередную кружку.

– Кстати, о медведях... – сказал Борис и посмотрел на меня ещё лукавее. – Было это в тех же благословенных алтайских краях. Шли мы к перевалу. Идём. И видим раздвоение тропы. Та, что набили звери, повернула влево, а перевал, куда нам нужно, виднеется справа. К нему напрямик – по правой тропе. Но эта тропа тянется через курумник, или чапыжник его ещё называют, за ноги цепляет, мешает думать о возвышенном. Мы с Владом поэтому решили идти тропой звериной. Ну, зверюга же не дурра – выбирает не самый худший маршрут – а за перевал он, зверюга, так или иначе тоже ходил, бесспорно. Такие наши аргументы. Однако остальные ребята возражают: «Тут по прямой всего ничего, какого лешего переться в обход!» Ну, я поглядел, прикинул: долиной всё видно, деться им некуда, и не стал на своём настаивать. «Конечно, ребята, коль так сильно хочется, идите, а мы с Владом всё же по левой тропочке про-

гуляемся. Разведаем. Для общего, скажем, ознакомления.» И в самом деле не спеша и по суху вышли мы вдвоём напрямиком на расчётное место встречи. Они же, ребята мои непослушные, зырылись в болото и выбрались после нас минут аж через шестьдесят, по пояс в грязи, злые, но, так сказать, просветлённые жизненным опытом. Но это я не в укор и назидание, а к тому, почему мы с Владом оказались вдвоём. И нам одним посчастливилось... Да. Только мы остановились у перевала с предвкушением блаженно отдохнуть, как Влад и говорит: «Командор, глянь – Ми-ша,» – с ба-альшим таким удивлением в голосе. Я оборачиваюсь: возле камушка на задних лапках стоит медвежонок, и передние у него, как у суслика, подняты. И смотрит он вовсе не в нашу сторону. И с той стороны, куда обращена его мордашка, из-за камня выбегает ещё один такой же крохотуля симпатичный. Он-то нас и заприметил. Тут же поделился информацией с братишкой и оба они – обрадовались! – побежали к нам. Влад же, напротив, почему-то не обрадовался и сердито закричал на них: «Гей, у-у, ба!» – и ещё другими всякими словами стал ругаться, которых, впрочем, по малости своей медвежата знать не могли и потому внимания не обращали. Я говорю: «Влад, ты чего орёшь-то? Возьмут да убегут, и не успею я на плёнку их заснять.» – Сам между тем быстренько достаю фото- и киноаппарат. «Погоди орать, Влад.» А он: «Сам дурак! И кино твоё дурацкое! Там мамаша их!» И тут из-за камня поднялась огро-омная медведица, сама бурая, а на груди треугольная манишка, не то галстучек, не то передничек. Кто её знает, что там за камнем происходило – то ли в гости к кому явилась, то ли сама по себе завтракала. Встала она на задние лапы и сказала: «А-а-а-р-р! Вот вы какие!» – и без промедления кинулась за медвежатами вслед. Влада такое ейное поведение возмутило донельзя: он стал шуметь пуще прежнего, топтать ногами и на меня кричать: «Кончай ерундой заниматься! Ракетницу доставай!» У нас сигнальная ракетница была с собой. Я Владу: погоди ты! А сам снимаю на камеру. И вижу я в телевик крупным планом, как она бежит – две лапы вперёд, потом зад заносит, две лапы вперёд и снова зад заносит. Точно с тем, чтобы вовремя остановиться. Догнала медвежат и на бегу же медвежатам по макушкам.левой лапой – правого, правой – левого. И они в разные стороны покатались – то ухо вниз, то ухо вверх. Сели, смешные такие, и с недоумением на мамашу свою воззрились. Мамаша лишь чуть притормозила – глянуть на своих неслухов, и дальше – к нам. И я через объектив вижу только морду её, затем только глаз... Влад мне кричит: «Стреляй, гад! Стреляй, паразит!» И меня словно водой окатили студёной. Понял я, что без ракетницы вряд ли обойтись. Дальше для меня происходило, как в замедленном кино. Камера – я её не бросил и не положил, я просто разжал пальцы – как осенний листочек легонько скользнула вниз, в этот момент я уже сдёрнул рюкзак с плеч, перевернул его, вытряхнул содержимое, выхватил ракетницу, скрутил с неё колпачок – а камера всё ещё летела к земле, – прицелился (и вот тогда только время стало тикать по-прежнему: камера достигла земли и юркнула плашмя в траву). Медведица остановилась метрах в десяти (потом мы замерили – восемь оказалось) и я, не отрывая от неё глаз, спрашиваю у Влада: «Чего орать перестал? Говори – стрелять, нет?» Влад: «Стой-стой-стой! Тихо-тихо, – и медведице: – Пошла, пошла, пошла отсюда...» И так мы стоим – я целюсь, Влад зубы медведице заговаривает. Наконец она как бы нехотя повернулась и, ничего не сказав, вперевалочку поплюхала к медвежатам. Я Владу с гордостью говорю: «А ведь я мог ещё быстрее ракетницу достать, если б вспомнил про нож, он на поясе у меня, чик – и распорол бы рюкзак...»

Что касается гвоздодёра, придётся за ним в другой раз, заодно, может быть, ещё по кружке – за лося, так сказать...

Карты-картишки...

Василий насупясь сидит в подсобке на перевёрнутом ящике из-под пива, курит. Заходит Пальч (свои называют его за глаза Паньч), директор, оценивающе оглядывает его поверх тёмных очков, и тоном – не то обиженным, не то язвющим (с похмелья Василию трудно определить), – говорит:

– Мне даже неловко общаться с тобой, таким... грустным.

Василий для приличия пошевелился, однако промолчал, потому что голова, точно у рыбы варёной.

– Ну и зачем ты мне нужен такой? – Паньч (ему ещё и тридцати нет, но приличным брюшком, и все к нему с почтением и по отчеству) повернулся к двери. – Следуй за мной.

В кабинете Паньч налил хрустальный стакан коньяку, скомандовал:

– Вперёд!

Василий выпил и закрыл глаза.

– Держи, – Паньч протянул конфету. – Присаживайся, – и сам примостился на край стола, скрестив при этом ноги и руки, ободряюще улыбнулся: – Ну, чего скажешь?

– А чего сказать, – Василий прислушивается к начинающемуся рассвету в голове и ослаблению в теле, пожимает плечами и разворачивает конфету.

– Ну, например: я оставляю на тебя магазин – сумеешь продать его целиком? С потрохами, так сказать.

«Вот оно что», – Василий разжевал конфету, проглотил, облизал зубы.

– А что ж... могу.

Василий, в общем-то, по натуре не сквалыга, но азарт в нём не дремлет. Был чуть помоложе когда, развлечения ради такими хохмами занимался: кильку за шпроты выдавал и сбывал заезжим оптовикам, или в соседнем магазине собирал с простаков деньги на растворимый кофе или колбасу по *пятнашке*, которая в зале по три сорок, но её нет. Скучивал вокруг себя нуждающихся: иди сюда, – манит рукой мужика. Тот: я чо – я ничо (мужик уже в трансе от одного такого обращения, как, впрочем, и все остальные, вокруг столпившиеся). Ид-ди сюда, говорю! Тебе колбаса нужна? Ну вот. Соберёт деньги и шмыг в магазин, оттуда через заднюю дверь – в такси прыг и поминай как звали. Потом ящик коньяку ставил ребятам из «дружественного» магазина. Так что не о наживе речь – об игре, психологическом эксперименте. И сейчас иной раз и не нужно вовсе, а украдёт чего-нибудь. Спортивного интереса ради. Впрочем, то давние времена, сейчас уже и неловко вспоминать про такое... да и представляется так, будто и не было ничего, как детства, скажем. Сперва тебе рассказывают мама с папой, каким ты был смешным засранчиком, и тебя это умиляет. Потом родители уходят – уходит и время с ними вместе как бы. И ты остаёшься сам по себе – наедине со своими воспоминаниями. И потом эти воспоминания начинают потихоньку затираться новыми впечатлениями... Ну не совсем, конечно – в критические минуты перед глазами вспыхивает... Но всё же. Спрашивают тебя, например: каким видом спорта ты занимался, ты отвечаешь, а потом спохватываешься – а занимался ли? Уж не соврал ли?... Ну да ладно.

В данном же конкретном случае деньги были нужны позарез – карточный долг нависал дамокловым мечом. Один его знакомый так разыгрался однажды, что жену родную на кон поставил и дочь, а затем и жизнь собственную... Явился к брату: выручи. Тот: я же не заставлял тебя играть. На утро нашли картёжника на яблоне повесившимся. Василий тоже, бывало, просаживал всё – материальное (на жизнь чью-то, однако, ни разу не покушался таким образом), ловил тачку, мчался в долг, сгребал дома все побрякушки у жены, другой какой скарб стоящий и обратно за стол. Нинка, жена, слава Богу, ни слова – ни полслова. У отца, когда он ещё жив был, тоже занимал. Он только и спросит: ты мне их вернёшь? Не знаю, честно ответит

Василий, смысла потому что нет лукавить – ни себе, ни отцу, тем более, кому ещё сына понять, если не ему. Всё наставлял: запомни, у картишек нет братишек. Когда Василий в последнее время играл с ним, тому всё казалось, что сын его жалеет, и это его раздражало. Василий после его смерти узнал, что выигранные у него деньги отец Нинке отдавал. Всё повторял: у тебя, сын, нет жёсткости.

– Вот грузчики жалуются, не на чем товар возить. – Паныч по-прежнему опирается задницей о столешницу и руки на груди скрещены. – Тележки новые куда-то запропастились.

– А я тут при чём? – У Василия заторможенность благодаря коньяку уже истаяла окончательно, он попытался разглядеть через тёмные стёкла очков глаза директора, но тщетно.

Паныч рассмеялся, даже кудри его каштановые запружинили по плечам, хорошо рассмеялся вроде бы, без подтекста, по крайней мере.

Месяца два назад Паныч устроил вечеринку в магазине, ансамбль дорогой пригласил, службу по высшему разряду, гуляй, ребята, короче, но щедрость мою помни. И на этой вечеринке приключилась оказия. Работала в отделе штучных товаров одна мамзель, ничего себе, всё при ней и даже сверх стандарта. Словом, если шуры-муры заводить, то в самый раз. Только Панычу она была, как Василий примечал, ни к чему, у него и без этой крали хватало ширпотреба – что днём, что ночью. И придирался он к ней, в сущности, по делу: уйдёт куда и вот лясы точит, отдел же без присмотра. А ей, стало быть, помнилось, будто он неспроста не равнодушен, и сказанула мужу своему. А муж на этой вечеринке присутствовал. Василий видел, что в кабинет к Панычу зашли трое, но значения не придавал – мало ли зачем и кто заходит к босу. Спустился со второго этажа в зал, где танцы вовсю бацали, успел крутануться с одной. Потом Вовик подходит, сообщает: Паныча побили. Василий не поверил: не так-то просто побить Паныча – парень крепкий и тренированный. Пошёл – увидел. Действительно. Прилично отделали. Спросил: «Где они?» Махнул рукой – ушли, мол, вниз по лестнице. Василий побежал вдогонку, выдернул трубу из ограждения к кассам, тут и обидчики, все трое, вырывают – чёрт их знает, может, на посошок выпить задержались. Двоих вырубил сразу – первому по ключице долбанул, второму по рукам, а третьего сперва кулаком оглушил, затем сзади за горло трубой прихватил и пару раз по носу и по зубам. То есть тридцать секунд и всё о'кэй. Так Панычу и доложил. А Паныч и сам всё видел из окна своего кабинета. Кроме того, он позвонил в отделение, откуда приехали быстро, бузотёров этих прибрали, и вечер продолжался. Потом та самая краля, чей мужёнок затеял все эти выяснения, подошла, попросила съездить в отделение, чтобы отпустили мужа с сотоварищи. Паныч сразу почему-то согласился. Пришлось Василию же ехать на Панычевой машине. Зашёл, представился от кого, передал просьбу, пригласил зайти, что называется, отовариться, – как учили, короче. Те только спросили: на чём довести имеется? Вынесли этих ребят, побросали в машину и адыо. Такая, стало быть, история. Теперь что же касается этих тележек, коих так не достаёт грузчикам... Их Василий толкнул на сторону вчера в обеденный перерыв, когда в подсобках было тихо. А что такого особенного? Подходит мужик, вежливо объясняет: так и так, мол, очень нужно, продай... Как откажешь? Василий и продал. Долг, как уже сказано, карточный висел над ним... Вот так, Паныч, грамотный ты мужик, башковитый, с перспективой... купи новые тележки, тебе это раз плюнуть, после сочтёмся. Тесть у Паныча директор большого торгового института, он его и на путь наставил. Что ещё помнит о нём Василий? А, вот. Хотя, возможно, и трёп обыкновенный, но похоже на правду. Он на Украине (во времена ещё оные) торговый институт заканчивал, а экзамены сдавал следующим образом: покупал преподавателю, не то декану путёвку на Карибы и там за коньячком и балычком заполнял свою зачётку. Ну да ладно, это не его, Василия, дело. У каждого своё амплуа, стезя так сказать.

– А вот знаешь ли ты настоящую цену товару?

Это что, вопрос на засыпку? – Василий слегка настораживается.

– Не знаешь, я вижу. – Паныч наклоняется и теперь сам поверх очков заглядывает в глаза Василию. – И это весьма и весьма жаль. Потому что мне не нужны люди, которые плохо разбираются в ценах...

Василий, наконец, понимает, что Паныч вовсе не журит его... он вовсе его не журит.

– Так что, дорогой, деньги, как выражаются, на бочку и после этого пшёл вон!

Вот этого «пшёл вон!» Василий ему не простит. Ладно бы изругал, вспылив, и в запальчивости этой послал подальше, но тут тебе ноль эмоций, тут жест продуманный, давно заготовленный... Время, мол, пришло расстаться. «Чёрт! А ведь он меня подловил!.. – Василия даже в пот бросило от догадки. – А то чего бы это среди бела дня покупатель на тележки объявился... и чтоб никого поблизости не случилось! Это ж нонсенс! Только для чего... почему? Почему подловил, за что?» Впрочем, кто-то сказал про Паныча: не любит он быть в долгу... То есть ты ему добро, а он на тебя в обиде за это... Или это он сейчас придумал?..

Вечером Василий решил съездить к Семёну (три станции на электричке) ... вернее, не к нему самому, а к брату младшему, Славику... Тут необходимо пояснить. Раньше Василий работал в отделе заказов большого масштаба – инвалидов, пенсионеров разных гречкой и прочим товаром снабжали, это ещё в девяностом году, когда напряжёнка со всеми этими товарами наблюдалась. И хозяйкой там стояла Лизавет Романовна. Хваткая баба, связи имела на приличных уровнях. И вот пригрела она паренька смышлёного, Семёна Конова, и с его помощью ворочала делами будь здоров. Товар, гуманитарка всякая вагонами поступали бесперебойно – их пускали налево и со всеми, с кем нужно, делились. По-умному, стало быть, крутили-вертели. Умели. А потом Семён на Лизаветиной дочке женился. Возможно, через дочку она его и узнала, Василий подробностей не выведывал. Свадьба по тем временам – что сейчас на миллиард, наверно. Позже, имея деньги и прикрытие, Семён потихоньку сколачивал группу, боевичков-исполнителей, исправно им платил, но и дисциплину держал. Такой дисциплины в армии и по сей день нет. И ныне Семён Конов на иерархической лестнице числится где-то, пользуясь опять же армейской терминологией, на уровне батальонного командира. Есть и над ним люди, но кое в чём он уже и сам-сусам. Кумекает.

Василий не знает, с каких пор его директор Паныч завязан с Коновым. Тут так: надо тебе знать – скажут: знай; не надо – и не спрашивай. Семён только с виду улыбочив. Если долг требует с кого – тому кажется, что перед ним ну прям отец родной, но когда срок иссякает... Словом, счётчик включен. И с Панычем Семён будто с лучшим другом. Однако по обрывкам разговоров Василий смекнул давно, что если надо, ничто Семёна не остановит. Ничто. И зря Паныч темнит, скрывает от Семёна те два магазина, что на своё имя прикупил недавно... Мало того, что Семён уже информирован... тут ещё старая обида быльём не поросла. Лизавету Паныч уволил, тёща Конова как-никак. Пока была в отпуске, он другую заведующую отделом подыскал. Лизавета на это только и сказала: молодой ты, Паныч, да ранний. Жадность тебя до добра не доведёт. Василий в их дела не вникал и не вникает, понятно, но трёп такой: тем Лизавета Панычу не угодила, что мало отстёгивала за левый продукт.

Так вот, когда младший братишка вернулся из армии, Василий свёл его с Коновым, а тот, в свою очередь, рекомендовал его Лизавете в отдел. Затем нечаянный для Василия, прямо скажем, поворот – Славик сходится с Лизаветой. Пробовал вразумить младшего, да что – упрям и себе на уме. А он, Василий, главное, печётся о нём, с Панычем договаривается: мол, надо парню квалификацию приобретать, как бы куда пристроить... Паныч: хорошо, давай бери его к себе, пусть учится мясо рубить. Василий идёт в отдел заказов и что видит? Его братишка вместо Лизаветы расхаживает повсюду с ключами, распоряжается, втыки, кому надо, выдаёт, товар налево пускает... Все уже не к Лизавете, к нему обращаются. Хозяин, одним словом. И быстро так борзеть начал, что свои ребята Василию начали жаловаться (это, естественно,

позже), что дерёт безбожно. Василий тут же ему сказал: смотри, паренёк, своих обижать – дышать забудешь. Он, правда, сразу смекнул, башковитый потому что. Отец, между прочим, в Славке души не чаял, в отличие от старших, Василия с Николаем, позволял ему всё, и держал себя с ним, как с товарищем, без усталости мог с ним играть в самые дурацкие игры. Например, лежит на диване, читает, Славик подкрадывается и из водяного пистолета бац, отец вскакивает и в погоню. Затем вооружается тоже брызгалкой и начинается водяная война. Мать приходит домой – в квартире библейский потоп. Мог Славик и такую штучку учудить. Сидит, учит уроки. Вдруг кричит благушей «Па-апка!» Отец несётся и заикаясь: «Что, сынку... случилось?» А Славик очень спокойно: «Поддай, пожалуйста стёрку, под стул закатилась.» То есть нужно всего лишь нагнуться и руку протянуть, а он отца зовёт. А то ещё, спрашивает: «Па, а на работе знают, что ты дурак?» Отец поперхнулся (дело за столом было): «Нет... воде бы.» – «А почему ты им не скажешь?» Отец гогочет, довольный. А то ещё, сочинение задали – про отца написать. Ну, Славик, ничего не объясняя, вроде как для себя, из любопытства, вопросы задаёт. Мол, служил ли ты в армии и кем? Отец по своему обыкновению и уже в русле, так сказать, их отношений, отвечает, где и приврёт. Так и тут. Дескать, служил, а как же. Ракетчиком. Видел фильм, как сбили американского лётчика-разведчика, Пауэрса? Ну вот, это я его шендарахнул. Через день-другой Славик сообщает, что училка оценку не хочет ставить под его сочинением. А чего такое-то, отец спрашивает, лишних запятых понаставил? Да нет, пусть, говорит, сперва отец прочитает. Ну, отец и стал читать. Схватился за голову и давай хохотать. И сквозь слёзы проговаривает: из-за тебя могут, дескать, и в тюрьму упечь. Пауэрса он, видишь ли, шлёпнул.

Брата Василий не застал, Семёна не было тоже, у Лизаветы же денег просить не захотелось (особой приязни они оба друг к другу, так уж сложилось, не питали), лишь рассказал о своей стычке с Панычем, чем, похоже, позабавил «щуку» (прозвище такое у Лизаветы за её тонкие и выпяченные губы). Сел во дворе на лавочку за стол, где мужики по выходным козла забивают, в тени клёнов, стал подросткам фокусы на картах показывать. Один рыженкий с блестящими глазёнками, другой бледненький и недоверчивый, с гонорочком – студент. Оба в восторге. Наивняк. А этак можете? А так? А почему вы не глядите в свои карты, а вдруг там не двадцать одно? А зачем глядеть, когда я знаю, какие у тебя карты, и у тебя, и у тебя... И у тебя, студент (он, может, и не студент вовсе, но бледненький). Хочешь, сдам – у тебя будет три бубушки, у тебя три трефушки, а у тебя три туза? Сдал – ошастливил. А скажите, как это вы так делаете? Ну кое-что показал, только глядите, чтоб руки вам не поотрывали...

А зачем, собственно, нужен ему Славик?.. Василий встал и пошёл... ещё не зная куда. И как-то само собой ноги привели его на базарную площадь. Он прошвырнулся сперва вдоль торговых палаток в надежде зацепить нужного человечка, однако попался всё материал не стоящий. Правда, Вову по кличке Бурундук повстречал, но тот недавно вышел из зоны, потому, вероятно, был не при деньгах. Вова игрок тоже азартный и опять же грамотный (карточный долг для него святое, он даже с этапа, говорят, обыграв кого-то, передал деньги на волю человеку, которому задолжал), так что сам бы завёл разговор. Постояли, пивка попили с шашлычком, потрепались. А потом Василий перешёл площадь и снял в гостинице номер. Потом принял душ и в приподнятом настроении спустился в ресторан. Это был его, проверенный способ. Он, потому как путь к отступлению вроде отрезан, заказал себе выпить, но немного – для лёгкого куража, и стал присматриваться к публике. Заканчивался базарный день, в ресторане появлялся торговый люд, приехавший на здешний рынок издалека, из-за кордону нынешнему, и, естественно, обитавший в гостинице. Вокруг них начинали виться девочки, и возникала та самая витиеватая атмосфера, которая и была нужна Василию. Много всяких способов оказаться в нужной тебе ресторанной компании. Чаще всего он попросту приглашал на танец смазливую девчонку из такой компашки, вешал ей лапшу на уши, невзначай как-

нибудь заводил разговор о чудесах и фокусах, выдавал себя чуть ли не за факира, и когда та выражала недоверие, предлагал проверить – дескать, заходи в номер, я тебе такие фокусы на картах выдам, закачаешься. Ну, если чего опасаясь, то не одна заходи, можешь кавалера прихватить, вон глазами как стреляет. Да он не мой, говорит она. Ну, сейчас немой, каламбурит Василий, а через полчаса, глядишь, голосок и прорежется. Затем дамочку отводит за столик, откуда взял, и, между прочим, кавалеру подмигивает: ничего, мол, деваха, не теряйся. Конечно, гарантия не стопроцентная, но и заходов таких Василий совершает не один и не два, по обстоятельствам. Кстати сказать, Василий ничего и никогда не пускает на самотёк. Его давно знают в этой гостинице и за определённую мзду он всегда может получить необходимые сведения: кто из барыг в каком номере остановился, так что можно невзначай как бы и ввалиться в чужие апартаменты – дескать, пардон, ошибся дверью, и тем самым напомнить о своей факирской персоне. На худой конец Василий нанимал одну из здешних проституток с тем, чтобы та проделала своего рода работу и притащила к нему в номер игрока, разумеется, не пустопорожнего. Но сегодня, кажется, этого не потребуется. Чутьё подсказывало.

Перед самым закрытием ресторана Василий демонстративно покупает пару бутылок коньяку, несколько шоколадок и, помахивая знакомым дамочкам ручкой, степенно удаляется к себе в номер. Там он наводит художественный беспорядок на столе, с тем расчетом, чтобы среди стаканов и надломленного шоколада была обронена и колода карт. После чего лишь остается ждать. Благо, номер – люкс, не возбраняется и в телик поглазеть, возлежа на постели в одежде, но без обуви.

Ждать пришлось недолго, дверь распахнулась и в комнату шумно ввалилась парочка – белокурая Тося (с ней Василий танцевал не в первую очередь) тянула за руку своего кавалера, плешивого мужичка, который сопротивлялся, но сразу заметно – лишь для приличия.

– Сперва я должна увидеть фокус, а всё остальное потом. Правильно, Вася?

– Дёрнем тогда уж, – сказал плешивый гость, ставя на стол бутылку шампанского.

– Он козёл, – шепнула Василию на ухо Тося. – Тащит в номер, а берёт одну шампунь.

– За что пьём? – Василий откупорил коньяк и внимательно поглядел на плешивого гостя, примечательной особенностью которого был маленький острый носик, напоминавший обглоданный сырой хрящик. – Я уж с чего начал, тем и продолжу, с вашего позволения.

– За факира! – захлопала в ладоши Тося.

– Н-не-не, факир был пьян и фокус не удался.

– Сам обещал, сам обещал!

– Ну хорошо, это следующий будет тост, я пока не настроен. Выпьем за удачу. За любую удачу. Что в фокусах, что в торговле... Кстати, стоит за торговлю-то пить? – Василий поглядел на остроносенького. Плешивый мужичёк встрепенулся и потянулся к стакану.

– Да, – сказал важно и пошмыгал носом-хрящиком, – имеет смысл... я почти всю фуру раскидал, один рывок остался... Моя собственная. Кормилица.

– Какую фуру? – прикинулся Василий.

Остроносенький встал и в два прыжка к окну.

– Вон она, голубушка, с белой полосой по фарватеру. Под фонарём, под фонарём, левее...

– Идите вы со своими фурами и фонарями, фокус хочу, – настаивала Тося.

– Будешь хорошо себя вести, будет тебе и фокус, – сказал Василий строго.

Потом показывал фокусы. В это время явилась ещё одна парочка. Это уже Дуся постаралась, она притащила потного толстячка с круглыми моргающими глазками. И демонстрация фокусов продолжилась азартнее прежнего. Ещё немного и мужички стали подзаводиться, кто-то предложил сыграть в треньку. Василий прикинулся валенком и долго не мог вникнуть в правила игры. Остроносенький даже занервничал:

– Ну ты и факир, гадство, такой простой игры не сечёшь.

Василий хотел осадить: «Но ты! Хрящ обглоданный!..» – но сдержался – расторможенность «клиента» имела свои преимущества, поэтому сказал лишь нарочито сладким голосом: «Давай в очко уж лучше играть, это мне хоть не первый день знакомо. Ну её, вашу треньку! Назовут же ещё. Ты в Россию приехал? В Россию. За рубликами? За рубликами. Своих тугриков не хватает, так? Ну и ботай по-нашенски.»

Короче, фитиль запалили. Стали играть по маленькой. Василий проигрывал, но раз от разу «постигал» премудрости игры и уже не вызывал нареканий своей бестолковостью. Затем вторая парочка исчезла, чего Василий предпочёл не заметить, увлечённый игрой. Тося заняла и потребовала опять фокусов, её не послушали и она, обиженная, удалилась, сказав, что будет ждать остроносенького в его номере. Остроносенький же взвинчивал ставки. Василий предупредил, что деньги у него заканчиваются, и он хочет прекратить игру. Остроносенький возразил:

– Что ж так, ни то ни сё. – И оценивающе, хищно даже как-то, глянул на банк, пытаюсь определить величину выигрыша.

– Ну, хорошо. – Василий снял с шеи золотую цепочку, к ней прибавил ручные часы. – Только давай так. Если проиграю побрякушки, даёшь мне отыгаться. Лады?

– Договорились, об чём речь.

– Смотри, без балды чтоб. Цепку жена подарила. Часы – отец.

– Понял, понял. Давай не канитель.

На том и порешили.

Василий проиграл. Остроносенький радостно поднялся и протянул руки к выигрышу. Василий его остановил.

– Ты что, забыл? Уговор дороже денег.

С кислой миной остроносенький сел, как если б ноги у него внезапно ослабли.

– Мне вообще-то много не надо. Но как хочешь. – Но глазки его под лобик просели.

Василий снял с пальца обручальное кольцо.

Дальше остроносенькому удача изменила. И, в конце концов, он решил прекратить игру. Он оказался должен полтора лимона. В наличии у него, однако, оказалось лишь четыреста тысяч. Сказал, отдаст завтра.

Когда гость ушёл, Василий сразу повалился в постель. На то, что проигравший отдаст-таки долг, он особо не надеялся. Не это, однако, вызывало досаду. Неприятный осадок оставило в нём то, как остроносенький потянулся забрать цепочку.

«Ишь ты, хмырина! Он многого, видишь ли, и не хотел». С этой мыслью Василий заснул.

На утро к нему в номер пришёл Вовик Бурундук, сел за стол, налил себе в стакан остаток коньяка, выпил, пошмыгал носом:

– Говорят, играешь.

– Да какая игра. Шваль – не игроки. Выхватить из под руки да ноги сделать. Никакой тебе интриги, ни удовольствия. А ты чего?

Вовик вытащил из кармана три пачки денег и опять спрятал.

– Разомнёмся?

Василий пошёл умыться. Затем сели. Играли до полудня с перерывом на обед, то есть, чтобы спуститься в ресторан за выпивкой и закуской. Посчитали, сколько на кону, и Василий, прикинув свои возможности, попросил прерваться. Он знал способности Вовика и решил не рисковать. Влезать в долги в его планы не входило.

– Надо позвонить. Если долг отдадут, продолжим. Не хочу зависать.

Идя мимо номера остроносенького, хотел заглянуть и напомнить о себе, но, помедлив, передумал.

Он не стал звонить из здания, а вышел на улицу к телефону-автомату. Позвонив, схватил тачку и поехал за деньгами.

Вернулся – в номере, кроме Вовика, вчерашние девочки. Сегодня с ними Василию любезничать не хотелось, он лишь сказал Тосе, чтоб передала остроносенькому, как страстно его жаждут лицезреть.

- А я его пасу?
- У тебя есть другая работа?
- Скучный ты сегодня.
- Какой есть.

Вовик тоже был нацелен на игру, поэтому гости вскоре удалились, сказав, что вечером заглянут опять.

В банке было двенадцать лимонов, когда Вовик стал играть в долг в надежде всё же сорвать куш. Но не сорвал. Оставшись должен пятнадцать, он ушёл, пообещав отдать долг через неделю. Василий ничего не имел против. Он был, во-первых, уверен, что Вовик отдаст, во-вторых, он был уверен, что если Бурундук не отдаст сам, за него придётся расплачиваться другим – тому же брату, скажем, или другим каким родичам (долг будет продан Конову, а тот знает, как поступать) ... Вовик не остроносенький плешак, знаком с правилами, и он местный... Кстати, сам пришёл, за руку его не тянули.

Василий выпил грамм семьдесят коньяку, посчитал наличные, засунул их в потайной карман куртки и лёг в постель.

Он задремал и даже увидел лёгкий приятный сон, но пришли Тося с Дусей.

- Рекомендую – Дуся.
- Рекомендую – Тося.

Обе, делая лица глупыми (хотя куда уж глупее их мордашек), по очереди изобразили книксен. Василий мельком глянул на компаньонку: «Что за манера...», – однако не нашёл нужным выказать своего отношения вслух. «Чуют поживу, что ли?» – усмехнулся, спросил:

– Ну что, девоньки? Есть навар?

– Да ну, – Тося показала кончик языка. – Жилы одни. Никакого сервиса, сплошной хамёж. – Дуся подтверждающе вздохнула.

– Ну, причащайтесь пока, а я посплю, вы мне сон хипповый перебили, – и, отвернувшись к стене, некоторое время слышал, как проститутки пили и ели, пока не забылся. Проснулся от возникновения некоего добавочного шума. За окном смеркалось. За столом все те же Тося с Дусей, и ещё прибавился остроносенький плешак, виновато взглянувший на хозяина номера.

– Рассчитаться пришёл?

Должник замялся:

– Понимаешь, я напарнику деньги отдал, ещё вчера, а он уехал в Москву – родственников поведать.

- А не вернётся если?
- Как это? Ну-у... В крайнем случае, продам оставшийся товар и...
- Смотри. Любишь кататься, люби и саночки возить.
- Не, ну ей-ей...
- А чего пришёл-то?

Остроносенький опять замялся.

- На халяву, что ль, дёрнуть?
- Подумал... это...
- Отыграться, что ль? – Василий искренне удивился.

– Н-н-ну, – и лёгкий румянец выступил на узких скулах и продолговатой плечи остроносенького.

– Во даёт! – Василий подмигнул девчонкам, которые, стараясь не помешать разговору, тихо пережёвывали. «Вот ещё бурёнки-то,» – Василий встал и, не одевая брюк, отправился умываться. Вернулся, натянул брюки, подошёл к столу и, потеряв ладонью подбородок, разлил

в четыре стакана оставшийся в бутылке коньяк. Остроносенький, выпив, сразу востепенел, сел посвободнее, локти на стол выставил.

Вообще-то играть с этим плешивым Василий уже не рассчитывал, да и не хотел, запал исчез, он только хотел отоспаться перед тем как отправиться домой. И применять к плешаку санкции также не собирался – ну что с него спрашивать, с неграмотного. Однако теперь разыграло любопытство.

– Так что, девчата, удовлетворим просьбу гражданина бывшей братской республики?

– Не зна-аю, – сказала Тося, засовывая в рот очередной кусок съестного.

– Мо-ожно, – сказала Дуся, вытирая пальчики о салфетку.

Дуся и Тося работают на пару. Может, их иначе зовут, но приклеились эти клички.

– Тогда начнём.

Поначалу игра шла с переменным успехом и девчата, заскучав, ушли. Василий дал им денег с тем, чтобы они через часок принесли выпить и поесть. Затем фарт пошёл Остроносенькому. Он то потел, то краснел, наконец, когда отыграл долг, слегка побледнел и заметно напрягся, точно его осенило вдохновение.

– Ну что, баста? – Василий спокойно разглядывал соперника и думал, что из-за него ему пришлось выпивать и, значит, возвращение домой придётся отложить на день. «Ну да ладно, позвонить бы только надо». Раньше, пропадая по неделе-другой, он не давал о себе знать, и всё сходило. И лишь когда подросла дочка и стала спрашивать, где папа, Нина потребовала непременно сообщать о своём местопребывании.

– Так ты чего? Всё – по нулям. Никаких обязательств ни у кого. Врежем щас по стакану и айда кто куды.

Денег рассчитаться с Паньчем ему хватало.

– А может... – Остроносенький продавил ком в горле. – Продолжим, может?

Василий поперхнулся. «Тэ-эк, – подумал, – и этот туда же... Ну, плешак!» Он ещё не злился, лишь изумлялся, хотя неприязнь или, скорее, презрение начинало наполнять его чем-то тухловато-удушливым.

– Смотри, парень, бог шельму метит. Везение штука переменчивая. Не промахнись.

– М-м-м, ничо. Рискнём.

Начали. Вернулись Тося с Дусей, принесли заказанное питьё.

Василий на первых порах опять дал Остроносенькому слегка зарыться – это ж прия-ятно, когда на кон добавляет соперник, а не ты. У гостя даже возникла лёгкая трясучка в пальцах. Он покусывал губы, прищурясь, и всё думал и думал о чём-то, морща голое своё чело. Возможно, мысленно покупал ещё одну фуру. «Думай, не думай – умней не станешь,» – подытожил свои наблюдения Василий. Затем, как и давеча, фортуна остроносенькому изменила. Теперь пришла очередь ему добавлять. Василий знал, что противник думает о том, что покамест он еще не догнал по «взносам» соперника, через некоторое время (розовые пятна уже поползли по узким скулам) – если и больше его денег на кону, то не намного; ещё через некоторое время – нет, не может быть, что не сорву банк, надо только собраться... В конце концов, эти мысли оставили игрока. Теперь нужно было как-то решиться и заставить себя кончить играть.

– Всё. Хватит. – Некоторое время остроносенький сидит, откинувшись на спинку стула, и тупо смотрит перед собой, будто свыкаясь с новым положением вещей.

– Хватит, так хватит. Когда прикажете получить?

Остроносенький подвигал подбородком из стороны в сторону, вытер тыльной стороной ладони под ещё больше заострившимся носом, взглянул на притихших Тосю с Дусей, затем перевёл взгляд – и в нём мелькнул оттенок дерзости – на Василия.

– Вечером. – Но перед этим словом он пошевелил губами и Василий подумал, что остроносенький скажет «никогда», и это почему-то больше ему понравилось бы, нежели «вечером».

– Вечером, значит, вечером. До вечера. – Он встал из-за стола и, шёлкнув каблуками, слегка склонил голову. Остроносенький медленно поднялся и медленно же, потупясь, двинулся к двери.

– До вечера. Не забудь.

Едва дверь закрылась, девочки будто проснулись, стали что-то прибирать на столе, потом Тося спросила:

– Отдаст, как думаешь?

– Не твоего ума дело! – отрезал Василий. – Быстренько пьём по стопарику, и чтоб до вечера я вас не наблюдал. («Хотя, похоже, ночь на дворе... или что там?» – он запутался.)

Оставшись один, Василий вспомнил, что надо позвонить домой. Однако навалилась лень, и он решил прежде с полчаса полежать. Приняв ещё сто грамм, он лег, не раздеваясь, и заснул. Приснился ему остроносенький с его, Василия, цепочкой на шее, часами на запястье и обручальным кольцом в зубах. Причём, кольцо было размером с колесо детского велосипеда.

Постучали в дверь, и он проснулся. На пороге стояли Тося с Дусей и за ними, сразу видно, пьяный в драбадан, остроносенький.

– Ну а ты чего скажешь? – жёстко спросил его Василий.

– На счёт? – Остроносенький вызывающе осклабился.

– Не советую хамить.

– Мальчики, мальчики, – затараторили Тося с Дусей, – всё бы вам царапаться, шалунам, мы пришли выпить и повеселиться.

– Заткнись! – У Василия обе дамочки отчего-то слились в одну с явной склонностью к раздвоению.

– Ой, как грубо, Вася. Ты же у нас паинька.

– Так чего не бэ-мэ-каешь? – Василий приблизился и ткнул Остроносенького в грудь пальцем. Тот пошатнулся и сел на стул. – Деньги принёс? На дворе, если не ошибаюсь, вечер.

– Ка-акие деньги?! – изобразил возмущение остроносенький и стал подниматься со стула. Не дожидаясь, пока он выпрямится, Василий врезал ему с правой руки и попал в лоб, отчего кулак сразу онемел. Остроносенький повалился на спину и остался лежать с закрытыми глазами и приоткрытым ртом, из углов которого потекла слюна. Василий подошёл к столу и, тяжело опустившись на стул, с ненавистью чётко произнёс:

– Не можешь – не балуй. И вообще, смылся бы с глаз, искать не стал бы. – И к девицам: – Давай сюда питьё. – Те нерешительно приблизились к столу и, поставив две бутылки с водкой и положив кульки, боком присели на стулья. Василий содрал пробку с бутылки и налив в три стакана по половине, пожелал: – Будем счастливы.

Все трое выпили.

Остроносенький зашевелился, пробормотал:

– Это тебе даром не пройдёт. Скот.

– Предлагаю сделку, кореш. Ты убираешься без вони, а я прощаю тебе долг.

Остроносенький укрепился на ногах и взялся ладонью за опухающий лоб и заплывший глаз.

– Ты меня покалечил, гнида. Я с тобой рассчитаюсь. Ты ещё меня не знаешь. – И спотыкаясь, он двинулся к столу. Не дав ему приблизиться, Василий быстро встал и ударил уже с левой руки – на этот раз было удобнее так. Удар пришёлся около носа. Остроносенький попятился и, уперевшись в стену, сполз на пол.

– Увели бы вы его отсюда, девки, пусть рулит в свою суверенную, всем было бы спокойнее.

Дуся с Тосей вскочили, подхватили подымающегося с пола Остроносенького под руки и вывели из номера. Четверть часа спустя они вернулись, молча сели за стол, Василий налил в их стаканы.

– Предупреждаю: я устал, заниматься с вами не буду. Хотите спать, ложитесь. Я лягу на диван.

Ещё посидели, после чего Дуся с Тосей, приуныв, оставили номер, сказав, что заглянут завтра.

– Ага, как же, – пробурчал Василий и закрыл за ними дверь на ключ.

Утром позвонил домой Панычу и, услышав его голос, бросил трубку.

Панычев дом из престижных, квартира на третьем – весь этаж. Надавив и не отпуская кнопку звонка, Василий оглядывает интерьер, и в глаза ему бросается нечто лишнее в интерьере, а именно – штырь, вбитый правее Панычевой двери. «Хм».

Дверь открыла жена Паныча (друг друга они с Василием знали, так как она заезжала иногда в магазин на своём серебряном *мерине*), сердито сказала:

– Палец, что ли, приклеился?

– Ага, – Василий отпустил кнопку.

– Чего надо? – Из-за неё выглядывала девочка лет пяти-шести.

– Хозяина, вестимо.

– Он вас не желает лицезреть.

– Так и велено передать?

– Так и велено.

Василий достал приготовленную пачку денег и бросил через её плечо в коридор.

– Должок возвращаю.

– Всё?

– Да вроде. Хотя... – он поманил женщину пальцем. – Глянь-ко, этот штырь для чего тут, не знаешь?

Женщина посмотрела на крюк, вздёрнула брови, поморгала и закрыла дверь.

– Ну наконец-то, истомился весь, мочи нет – опохмелиться хочу.

Василий окинул взглядом одетого на выход и расхаживающего по коврам в башмаках брата, поскрёб ногтями небритую щёку и покосился на бар в серванте, наполненный бутылками с разнообразными этикетками.

– Давай, что ж...

– Не, для начала пивка примем, – Славик нетерпеливо махнул в сторону окна. – Через дорогу, в чипке. Там... это... та, что тёмненькая – моя, вторая мочалка – как хошь. Посидим, помычим, настроение сегодня такое... м-м, невзрачное.

– А Лизавета где?

– Э-э... где-то.

В чипке – шикарном, впрочем, кафе – им, однако, «помычать» не удалось: за столиком с их «мочалками» уже ворковали «качки», как обозвал их при входе Славик. На пути к стойке он громко попросил знакомого бармена угостить жаждущих «холодненьким», что задело самолюбие «качков», которым, по-видимому, было сообщено, что пора-пора им очистить помещение... Один из них, не желая, очевидно, уступать инициативу, запальчиво рявкнул:

– Нельзя ли заткнуть хлебало, а?! – На что Славик не удостоил его ответом, лишь справился у бармена:

– Что за рвань?

После чего не замедлила последовать разборка. Василий принял на себя второго качка. Сцепившись, они влетели в подсобку, где нападавший выхватил нож и несколько раз дотянулся-таки, надрезал на груди и предплечье Василия кожу. Озлясь, Василий пустил в ход подвернувшиеся ящики с пивом и поверг противника в глубокое забвение. Затем было разбирательство в соседнем отделении милиции, откуда Василий, попрощавшись с братом и свидетелями («мочалками») поехал домой. Славик просил остаться, но, поцарапанный и смазан-

ный йодом, Василий утратил интерес к развлечениям. Он вдруг чётко осознал, что ему хочется домой, и хочется и пора. «Пора, мой друг, пора...» На вокзале, куда он завернул «поправить мозги», он взял запечатанный пластмассовый стаканчик водки и присел за столик тут же рядом у киоска. Напротив восседал неопределённого возраста мужик с наколками на кистях рук и перебирал в пальцах игральные карты. Подмигнул:

- Не закусываешь, что ли? – и подвинул Василию по столику хвост воблы. – Пожуй.
- Не, на пиво потянет, на холодненькое, а я уже сыт. Мне, наоборот, надо взбодриться.
- Упал? Поцарапался, вижу.
- Угу, арматуры повсюду навтыкали, не пройти – не проползти.

Мужик, не разжимая губ, коротко хохотнул утробой и, пепельными пошевелив бровями, предложил:

- Перебросимся?

Василий отрицательно мотнул головой, снял со стаканчика плёночную крышку и, потянув носом воздух, залпом выпил, скомкал стаканчик и понюхал костяшки кулака.

- Ну так чё? – Мужик постучал рёбрами карт по ладони.
- На что? – Василий отбросил скомканный стаканчик. Мужик начинал ему надоедать.
- А на что хошь. Хошь – на корову, хошь – на рога от неё.
- Интересное предложение. Во сколько та корова оценивается?
- Н-ну... в тыщёнку для разгону, не слабо?
- Сдавай.

Василий не обнаружил в кармане своих карт: видать, выронил в давешней разборке.

Когда на кону собралось тысяч двести, мужик неуклюже передёрнул, но, не сморгнув, сказал твёрдо.

- Плати. Мне пора.

Василий продолжительно и тяжело поглядел в его тусклые глаза:

– Ты полегче бы на поворотах, кореш. Тоже мне мастер. Надеюсь, понятно, о чём я толкую?

Его заела именно неприкрытость мухляжа, нагловатость.

- А меня тут все знают. – Мужик, как пёс, приподнял над зубами сморщенную губу.
- Ну и что?
- Свистну – пожалеешь.
- Ну, свистни. Может, мои знакомцы быстрее объявятся.
- Зажал, да?
- На похмел не хватает? Так ты лучше попроси. Дам.
- Ну гляди, паря, – мужик стал озираться. Василий поднялся и отошёл по платформе метров на тридцать. «Надо бы слинять,» – подумал, но остался на месте. Ещё за игрой его одолела брезгливость, и он едва удержался от желания дотянуться и свернуть мужику нос. Однако решив, что на сегодня неприятностей довольно, лишь выругался мысленно: «Хорёк вонючий!» Теперь он цепко следил и за мужиком и за происходящим людским движением вокруг.

Свистнула электричка и тут же стремительно вынеслась из-за лесного массива и, сбавляя ход, скрежеща тормозами, стала приближаться к платформе. Мужик вылез из-за стола и вразвалочку пошёл к месту остановки головного вагона. И то, что он не оглянулся даже на «должника» своего, кому только что угрожал, заело Василия ещё пуще. Не успев сообразить, что предпринять, он поспешил следом и вскочил за мужиком в тамбур. Двери с шипением задвинулись. Мужик, видимо, узрел в стекло противоположных дверей вошедшего за ним соперника-игрока, и стал поворачиваться. Воспользовавшись этой нарочитой медлительностью (Плюю, мол, на тебя и презираю!), Василий схватил его за ворот и что было силы толкнул лицом вперёд. Пробив лбом стекло, мужик на секунду обмяк, но затем высвободился и на этот

раз развернулся рывком. Василий был готов, ударил искромсанное в кровь лицо, у мужика подогнулись колени, и он опрокинулся. Василий перевёл дыхание и собрался войти в вагон, но, машинально зафиксировав напряжённые лица пассажиров, передумал. «Рвём когти.» Он не услышал (возможно, за лязгом колёс), как мужик поднялся на ноги, лишь ощутил его руки на своей шее, сдёрнул их и ударил затылком...

Дома никого. Записка на столе: «Мы уехали. А ты подумай...» Что же тут думать и чем – мозги набекрень, мысли в раскоряку. Василий сел у телефона, потом поставил его на колени, потом опять на тумбочку, потом опять на колени. Набрал номер.

– Марыся? (Вообще-то она Мария, Маруся, просто так ему нравится звать её.) – Салют.

– Ой, Васёк! Где ж ты пропадал-то?

– Приходи – расскажу.

– Ты знаешь, я не одна...

– Да-а?

– Ты не понял. У меня подруга, ты её знаешь, Ира.

– Приходите вместе.

Марыся работала медсестрой, муж её надолго в отсидке, и она перебивается с тремя детьми, старшей – семнадцать, младшим мальчишкам – шесть и три. Бывало, Василий отлёживался у неё по несколько суток после бурных развлечений или игр, раз-другой баловала его медсестричка и наркотой. Он в долгу не оставался: будучи в выигрыше, помогал деньгами. Ира... да-да, кажется, высокая такая, рыжая... Впрочем, нынче и пёстренькой могла уже стать. Подождём – увидим.

Пришли. Василий сразу подумал: хорошо бы сразу с обеими, но побуждений своих не обнаружил, поскольку Марыся сразу ревниво предупредила подругу – шутливо как бы:

– Глазки выщарапаю, если что.

Сели, шампанское откупорили, покурили, музыку послушали, поболтали ни о чём (в основном женщины меж собой, точно не наговорились до этого), затем водочки выпили, хотя Марысе и нужно было на дежурство к семи. Стал Василий мало-помалу разговорчивым.

– Главно, интересно получилось. Когда милиция подскочила, у меня в руках горлышко от бутылки... А эту бутылку я у него выхватил и ему же по башке. Но им говорю: так и так, мол, поднял с пола, чтоб пьяный товарищ этот не поранился. Пассажиры хай подняли, кто во что горазд ботают, машинисты – тем не до этого, им график нужно соблюдать. Ладно. Следовательно – между прочим, вполне симпатичная дамочка – позже, на допросе, спрашивает меня (а я уже оклемался в холодной, пришёл в себя): «Ну ты чего темнишь-то? Я тебе по-честному толкую: мне нужно хорошее дело раскрутить, чтобы из старлеев в капитаны, а то у меня сплошь бытовухи. Давай, чего ты теряешь? У этого твоего крестника восемь судимостей, будет девятая, какая тебе разница.» А я стою на своём. Знать ничего не знаю. Драться не дрался. Бутылку с пола поднял, хотел в сторону отбросить... А что порезан и когда – не помню. Поскользнулся, ударился, память отшибло. Ладно, говорит, тогда я по-другому сделаю: я твоего крестника прижму. Он до тебя бабу свою дома отдубасил, ему всё равно решка светит, а на тебя он зол, как я понимаю... так что из пострадавших запросто можешь стать того-с... Ну ладно, перевели меня в предварилку. Захожу в камеру – тяжело-о на душе: когда-то отсюда выберусь – не известно. И суд когда – тоже мне не известно. А там чад коромыслом, игра вовсю идёт. Короче, не скучают ханурики. Не знаю, как бы я там прижился. Хорошо, знакомый один повернулся. Эй, кричит, ты тут как очутился? Садись, приглашает, ешь, пей. Я ему: ты же знаешь, я в долг ничего не беру. Ладно, говорит, тогда угощаю. Ну, вообще, чего особо распространяться... За эти четыре недельки до суда успел я насмотреться всякого. Играют в карты, например, один другого на три буквы. Та-ак! Ты куда меня послал?.. Там свои законы, вмести-

ваются авторитеты, решают: если через два часа не выплатишь штраф – петухом станешь. Ну а те, кто схамили, даже и не дёргались. Прошло два часа (а откуда они возьмут эти лимоны?), их под невинные ручки и в позу... Да чёрт с ними, сами дурни. Но я не об этом. На суде вижу брата Славку (а я ему от следователя позвонил, от этой крали в погончиках, он и крутился всё это время, я на него надеялся, а всё ж мурашки по коже) ... Штраф, мелочь сущую присудили. Выхожу, спрашиваю: сколько я тебе должен? Славик отвечает: мне – ничего, Конову...

Василий поймал себя за язык: «Тю-тю-тю, а этого им знать не обязательно.»

– Ну и чего дальше? – Марысе не терпится услышать продолжение. Ира тоже глядит пристально. Пристально и с тоской.

«Чего это она?»

Ещё водочки выпили, за картишки взялись, женщинам развлечение, Василию пальцы размять.

– Вот гляди, – к Ирине обращается, – сейчас у тебя будет двадцать девять, у Марыси – тридцать, у меня – тридцать три.

Сдаёт – так и есть.

– Как же ты делаешь это?

– О, моя ненаглядная, тут, знаешь ли, как раньше говаривали, – династия. Под настроение расскажу.

Марысе не нравится возникающий интим между Василием и подругой, она поглядывает на часики, выразительным тоном замечает:

– Вася, мне на работу скоро.

– Ну. И чего?

– Пойдём, может быть, – и кивает в сторону комнаты.

– Сейчас, сейчас... – Василий заканчивает фокус и наблюдает за выражением глаз Ирины. У неё красивые черты лица, однако отечность портит впечатление, видимо последнее время она много за воротник закладывает.

– А тебе, Ир, не пора домой? – спрашивает Марыся.

– А куда я пойду? Ты же видишь, звоню-звоню, никто трубку не берёт. Приду, а меня – цап-царап. Да ты не беспокойся зря...

Василий наконец идёт за Марысей в комнату, Ира остаётся на кухне. Она сидит, подперев ладонями припухшие щёки, неподвижно вперив в пространство затуманившийся взгляд, пока Марыся с Василием не возвращаются. Марыся весела, она уже готова уйти, и всё же её, по всей видимости, беспокоит, что подруга останется. Пытливо приглядывается она к Василию и решает, что опасений особых нет: он осовел и, похоже, пресыщен.

Когда Марыся уходит, Василий спрашивает Иру:

– Какие проблемы-то?

– Маруся не доложила разве?

– Да так, вкратце.

– Выпьём?

Она стала рассказывать, сперва о том, как попала в торговлю, как делала карьеру, как было ей тяжело, тем более не всегда удавалось уехать домой с последней электричкой.

– Спала на мешках, представляешь. Ну, мой Мишуля, конечно, объевшись груш, вообразил незнамо что... А я поздно замуж вышла, в двадцать пять, и мужиков не знала до него. Сыну сейчас всего семь. А недавно... – Она помассировала веки кончиками пальцев. – Мишка мой присел. Драка была общей, он, как рассказывают, скорее разнимал, чем бил... А тут на дне рождения у знакомых этот судья как раз напротив за столом оказался... не знаю, почему так получилось. Он когда меня узнал, напрягся, стал по сторонам глазами стрелять, чтоб только не на меня, а потом: «Я ничего не мог... Убийство есть убийство,» – только и сказал. А ты, как думаешь, смог бы он, будь у меня деньги?

Василий плеснул в стаканы, выпил, не дожидаясь её. («Надо бы узнать, во сколько я Конову обошёл.») Она же, взяв стакан в ладони, продолжала:

– А сейчас вот сижу сама... ни жива – ни мертва. Соседи передают, приезжали за мной... не застали.

– Растрата, что ль?

– Наверде этого. Там есть такая статья... ну да бог с ней. Привезла им справки, что мужик в заточении, так сказать, на руках сын, мать-старуха. Не знаю...

– Н-да, – Василий потёр левый висок. – Пойду прилягу. – Уже в дверях кухни обернулся.

– Ничего, ступай, – сказала она. – Всю постель не занимай, однако ж.

– Было б сказано.

Часом позже в спальне.

– С женой-то дружно живёшь?

– Хм, словечко-то подыскала... «дружно». Я от слов таких отвык чтой-то. Дружно – не дружно, нормально живём. А что?

– Да так.

– Или я тебе не показался?

– Почему? Всё замечательно.

Василий забрасывает руки за голову и несколько минут молчит, так что Ире кажется – задремал. Неожиданно говорит:

– Ты знаешь, я перед ней всегда почему-то робел. Уж какой я был оторва, каких только грехов за мной не числится, а вот так... Даже в лагере пионерском – вместе были – шалил напрапалую, а с ней язык немеет.

Раньше, ещё до свадьбы, условие поставила: поженимся, только если дашь слово не прикасаться больше к картам. Хорошо, сказал, ладно. Стала после этого вынимать из кармана карты у меня, я их всегда при себе имел, шёлковые, на спичку можно наматывать. А после, когда она родила, и деньги потребовались, и я стал с игры зелёненькие приносить, прекратила свои экспроприации. Тем более что сейчас на работу устроиться никак не может по специальности, дома сидит с дочкой. Иной раз скажет – скушно, но ничего, пока вот так. Не по электричкам же, извиняюсь, шастать, всякой ерундой торговать, тем более что там уже и без того друг с дружкой дерутся – столько их развелось, офень разных.

– А что поделаешь, есть всем хочется.

– Ну да. А вообще, скажу тебе, жена у меня хорошая. Ноги вот у меня болят. Лягу иной раз, они дёргаться начинают. Нинка свои ноги на мои положит, вроде боль и отпускает. А все, наверное, из-за той поножовщины. Вышло-то как-то по-дурачки. Ни за что – ни про что. На дружка моего компашка одна навалилась. И компашка-то вздорная, им бы только цепляться к кому, даже к самим себе, если больше не к кому. Вот и к дружку. Я одному головой врезал, он и отвалил, стоит у дерева, раскачивается из стороны в сторону. А потом – я и не заметил сразу – как у него в руке нож оказался, р-раз мне в голову, едва успел увернуться. Тогда он справа-налево, да в живот метит. Я к стенке отскочил, и колени поочерёдно поднимаю, живот защищаю. Обе ноги мне и проткнул. И по животу тоже попало, вскользь, правда... О чём это я? Ах да. Кстати, Нинка моя вне дома спать не может, а я, наоборот, дома плохо засыпаю. Чувствую вину какую-то перед ней, что ли. В чужом месте нормально, ни перед кем вроде не виноват, и сплю себе. Раньше она вообще на меня не ворчала, лишь бы домой приходил. Помойся, буркнет, переоденься, побрейся, поешь... Сейчас иначе. Да я сам виноват. Зачем то потащил её в ресторан, а там что, знакомые девки подваливают запросто и открытым текстом базарят... Я чуть позже к ним подошёл, говорю: вы поаккуратнее не умеете? Я чай, с женой отдыхаю. Да ну, не верят, с родной? Да. И расписан? Да. Так что вот так. Теперь чуть что: опять по бабам таскался! Проямлишь: никого у меня нет, и никто мне, кроме тебя, не нужен. А я что ж, не нарочно. Само собой получается. Играем, к примеру, девки крутятся рядышком.

И предложишь: «Выпьем?» С кона денег возьмёшь и на стойку бросишь. С кона оно и лучше даже, никому не жаль, все пьют и вроде бы не на свои, ещё не выиграны. А потом сорвёшь куш и: «Айда отдохнём, что ли!»

– Интересно, – глуховатым голосом раздумчиво говорит Ира, – мой-то муженёк так-то же вот жалится кому-нибудь?

– Тебя что-то задевает?

– Да нет.

Василий помолчал, пытаясь определить для себя: то ли она говорит, что чувствует или подыгрывает; отмахнулся, его всё ещё тянуло на разговор.

– Считаю, я в отца удался. Младший – тот в мать. Старший – не известно в кого... А я, значит, в отца. Со старшим, ещё отец жив был, я знаться перестал. Из-за Нинки, из-за матери тоже – ну словом, причин хватило. Он и так какой-то фраер, фантазёр, а тут ещё жена ему попалась – своеобразная, надо заметить, барышня. Я из армии вернулся, и Тонька его чуть ли не в тот же день наплела на Нинку в три короба – да с неё мужики не слазили, да то да сё... Если б я не знал своей Нинки, может быть, где-то и закралось бы сомненьице... а так только и спросил: «Тоньк, зачем тебе это нужно?» И пока жили в одной квартире, чего только не приключалось. Однажды я даже порезал Николая. Прихожу после работы, слышу голоса в дальней комнате: чего-то старший долдонит злым голосом, а Тонька его поддакивает. Зашагиваю через порог и вижу такую сцену: Нинка пощёчину лепит старшему. Что да как, как да что?! Схватил за грудки: ещё раз приблизишься к ней – убью! И нож ему к шее. А Тоньке его в это время, видишь ли, не страшно, её чужое горе не впечатляет, она ещё не знает моих шуток, падла, потому, знай себе, подзуживает. Тогда я Кольку отпихнул и цап её саму за холку, и брату говорю: проси прощения у Нинки, не то сейчас горло твоей стервозе перехвачу. Тут Тонька и осознала, да как заблажит: «Коля, Коленька, попроси, попроси, за ради Христа, у этого изверга!.. Пусть подавится!» Испугалась, наконец. Потом ещё всякое бывало. Квартиры когда меняли. Мать вроде со старшим хотела жить, да пришла вечером, а ей не отпирают. Сыр-бор, канитель... Разбираться стали – говорят, открыта была дверь, ничего мы не запирали... А на другой день та же история. Мать стоит под дверью, голоса ихние слышит в квартире, а никто ни на звонок, ни на стук не откликается... Или вот, к примеру, звонит братишка мой из Москвы матери и такую лажу гонит: я, мол, из Голливуда звоню, мне тут главную роль у какого-то знаменитого режиссёра предложили, так что не ждите месяца три... Кина, что ль, американского перекушал. Хотя в прошлый раз из Австралии названивал, оказалось – от соседа. Да ну его!.. Я ещё отцу говорил: знать Николая не знаю и за брата отныне не признаю. И главное, всем всюду хвалится: я матери квартиру купил, я матери то, это... А квартиру-то я купил на выигранные деньги. Мало того, что врёт, так ещё и... ну не знаю, как это всё и обозвать. Мать страховку за отца получила... Да, я не сказал, отец с крана упал, второй раз, причём, в первый раз выжил, во второй нет. Каретка там у них какая-то перевернулась и он бряк – лицом на асфальт... Так вот, Николай матери: ты отдай мне деньги, я их на книжку положу. Понятно, Тонька его подбивает. Мать отвечает: а что, у меня они будут разве менее сохранными? Я также могу на книжку положить. Обиделся. Чего ещё было подобного, и вспоминать не хочу.

Да, так вот сам-то я и верно в отца удался. А был он картёжник ещё тот – профи. Лупцевал меня по-чёрному, очень ему не хотелось, чтоб я по его стёжке топал, да что... Когда понял, что бестолку, сам привёл в компанию и сам же первый урок преподавал. Лучше у меня учись, чем у кого-то. Я, по крайней мере, без корысти.

«Чего я ей мозги конифолю, у неё свои трудности,» – Василий повернулся к партнёрше спиной, но, немного погодя:

– По дочке скучаю. Выйдет из своей комнаты: ты почему, папа, не спишь? Сплю, голубок, сплю. Ну, спли, папа, спли, – и погладит меня по щеке маленькой ладошкой, будто бархоткой.

Когда не вижу её, страшно скучаю. Иногда забурюсь дней на несколько, никак выйти не могу из синдрома – вдруг перед глазами её личико... Опять же в раздражении накричишь если, а то и шлёпнешь, потом ходишь как не свой...

Телефонный звонок. Половина первого.

– Славик говорит.

– А-а. Я думал, Семён.

– Так я по его просьбе. Слушай, он хочет, чтоб ты поиграл на него.

– Когда?

– Да щас. Мы уже машину за тобой выслали. Минут через двадцать будет.

– Ну ладно. Только, понимаешь, я уже сплю на ходу.

– Вась, ты продержись до нас, мы тебя взбодрим.

– Лады.

В час прибыла машина, около двух приехали на место. По дороге водитель, молодой щербатый парень, сообщил:

– Слыхал, Паныча повесили.

– Как? Я с ним сегодня общался.

«Или вчера?.. Или когда?..»

– Теперь не общаешься, – щербатый был весел и здорово нетрезв, но машину вёл виртуозно. – Вбили штырь у двери квартиры и на этом штыре вздёрнули.

– За что?

– Значит, было за что. Из соседней области приехали за должком, а он заартачился. Ну они в пару минут всё и обстряпали. Жена с дочерью выходят – что-то папочка запропастился – а он, бедолага, уже спущённой торгует, тапочки с ног свалились.

– А что Семён?

– Ну об этом ты у него спроси... – щербатый водила хмыкнув, прибавил: – Семён, как всегда, молодец. Не успели гастролеры за кольцо выехать, а их уже поджидают. Дело, правда, сделано, поэтому Семён сказал: платите, тогда разойдёмся. Тем ничего не оставалось. Двести семьдесят тысконок зелёную скинули и урыли. Семён, как всегда, щедр – ребята не в обиде. Сто двадцать отстегнул. Плохо ли? Супружниц надо на курорт свозить? Надо. Он это понимает не хуже профсоюза. За это его и любим.

В квартире игра шла за двумя столами. Василий постоял за одним, понаблюдал за игроками, перешёл к другому. Потом вышел на кухню. Семён сидел на подоконнике. Лицо – то ли свет такой – с сероватым отливом, больше обычного кажется продолговатым и беспощадно-жестким. Взгляд его, скользнув по лицу вошедшего, надолго упирался в башмаки Василия, так что тот успел подумать о своих грязных носках. Тут же, правда, смягчается.

– Выпьешь? Чего будешь?

– А что у тебя есть?

– Коньяк.

– Ну а чего тогда спрашиваешь.

– Может, за водочкой послать?

– Не надо. – Василий выпил полстакана, сказал: – Сейчас покурю и пойду.

– Укольчик не хочешь?

– Нет.

– Тогда на-ко возьми таблеточки. Индийские. До утра сна ни в одном глазу.

Семён вышел из кухни, зашёл Вячеслав.

– Привет, братиша, – и понизив голос: – О Паныче уже слышал? – И выглянув из кухни в коридор, приблизился почти к самому уху Василия. – Напрасно он те два магазинчика укрыть хотел. Жадность фраера, так сказать...

– Ты думаешь...

– Я ни о чём не думаю. Потому что никто ничего не знает. Официально. Ты как, в форме? Вернулся Конов, протянул пачку долларов.

– Девять штук здесь, хватит?

– Посмотрим по игре. Четыре раза снимаю, и хватит, так?

– Тебе виднее.

– Больше если – заподозрят.

– Ты профессионал, тебе и решать. Но я хочу надрать эту публику. Слишком много о себе мнят.

Их взгляды встречаются и Василий ощущает, как из крошечных зрачков Семёна выстреливает в его зрачки что-то колющее.

С такими тузами Василию играть уже доводилось, двое присутствующих были ему известны. Понял: здесь идёт не просто игра, идёт очередная прикидка, кто есть кто и кому владеть большим авторитетом.

Он, пожалуй, сыграет с незнакомыми, и направился к другому столу. На ходу снял свитер, чтобы рукава не мешали и тем более не вызвали подозрений, и остался в тенниске.

Пока сдавали другие, сбросил три тысячи. Игроки были азартны, но не опытные. Стал работать под них. Выкладывал карту на стол перед каждым. Видели б они, как сдаёт он в другое время и при других обстоятельствах. Когда сходятся профи, то по расстоянию полёта карты на стол можно судить о квалификации. А тут особо и прикидываться не нужно. Тасовать позволяют сколько хочешь, за это время можно три колоды *зарядить*. Каждому нужно сдать так, чтобы продолжил игру, то есть дать столько очков, чтобы игрок мог рассчитывать на выигрыш. Но себе – на очко больше...

Он чуть было не позабыл заглянуть в свои карты. С такой забывчивостью четырёх конов не взять. Поймать не поймают, потому что вот он перед ними, на их глазах тасует колоду, но бросить игру могут.

Когда за окнами забрезжил рассвет, Василию причиталось сорок семь тысяч. Хватит.

Домой вёз тот же парень, он всё также был пьян и весел. Протянул пачку купюр:

– Шеф сказал тебе отдать.

– Не надо.

– Но он приказал, как же ж я могу...

– Ты дал, я не взял. Так и скажешь.

Поднимаясь к себе на этаж, он едва переставлял ноги.

– Будильник не забыть завести.

И усмехнулся: «Зачем?»

Во сне он видел смеющегося человека, и этот его смех неким образом превратился в кашель. Проснулся, а это сосед молотком в стену дубасит.

Тяжело поднялся, прошлёпал в туалет, потом присел на пуфик у телефона, взялся набирать номер, но бросил. Из-за стекла серванта на него смотрела с фотокарточки дочь.

«Поехать разве?... Интересно, чем сейчас занимаются?..»

Василий закрыл глаза. И увидел улочку, поросшую травой, головы подсолнухов, перевесившихся через плетень...

Вдруг очень живо вспомнилось ему, как послали его за телёнком. Тот был не большой, телок этот, но и не маленький, с мокрым носом и удивлёнными глазищами. «Му?» – сказал и махнул хвостом. А Василий растерялся, не имевший никакой абсолютно практики в обра-

щении с животными. «Пойдём, – сказал, – велели тебе домой.» – «Му,» – возразил телёнок и отвернулся. «Вот те раз,» – подумал Василий и взял телёнка за хвост... Это было настоящим испытанием для него. И настоящим родео для случайных зевак. Он-таки пригнал животное во двор, но на кого он стал похож сам? Грязный, в репьях, взмыленный... и очень собой довольный.

А ещё он помогал собирать свёклу. И хотел показать, что не лыком шит и даст сто очков вперёд каждому, да не вышло: пока торопливо выдёргивал из земли эту самую свёклу, согнувшись и сосредоточась только на задании самому себе, ему казалось, что давно обставил и тещу и бабу, которой в обед сто лет, и уж, конечно, Нинку, однако, когда голову поднял и смахнул с бровей пот, то оказалось, что не только не опередил, но отстал на добрых двадцать шагов. Потом с бабушкой вдвоём они сидели у сарая и резали ботву, и у него уже давно занемела спина, и только усилием воли он заставлял себя терпеть в надежде, что эта старуха всё-таки первая не выдержит. «Иди, сынок, отдохни, – сказано было ему, наконец, – я-то привычная костяшка...» И стыдно вроде, да в самом деле невмочь. А впрочем, в деревне ему понравилось именно с первого раза. Может, потому ещё, что сам поглянулся...

Затрещал телефон, заставив вздрогнуть и прервав его отлёт в прошлое. Хотел даже в первый момент выдернуть штепсель из розетки. А может, Нинка? С почты звонит...

– Василий, привет. Узнал?..

И хотя голос был точно через подушку, он узнал Конова.

– Минутку. Чайник с плиты сниму.

Зачем-то пошёл на кухню, хотя никакого чайника он на плиту не ставил. Постоял, потёр пальцами небритый подбородок и вернулся к телефону...

– Ты почему деньги не взял?

– Считаю, долг платежом красен.

– Во как. Красиво выражаешься.

– Со мной это бывает, с утра пораньше.

– Ну что ж, хорошо. Будем считать, что квиты. Но ты на меня рассчитывай и в другой раз, понял?

– Спасибо.

– В нашем деле друг без друга никуда. Главное в нашей дружбе – язычком не молоть.

– Это уж как водится.

– С понятливым человеком и поговорить приятно.

– Ты извини, в дверь звонят.

– А я, собственно, закончил. Будь здоров. И... не забудь нашего разговора.

В дверях стояли двое:

– Разрешите войти?

– Ну, вот мы и вновь встретились, – женщина-следователь внимательно разглядывает сидящего перед ней.

– А чем обязан-то? – Василий также разглядывает свою симпатичную визави.

– Да вот, решила задать несколько вопросов.

– Я вроде на все ваши вопросы ещё анэдэсь ответил.

– Е-если бы. Вопрос первый: где вы были этой ночью?

– Не помню. Честное слово. Был в дугаря. Что называется.

– Эту песенку мы уже слышали. Тогда вопрос второй: это ваше? – И она вынимает из ящика стола колоду карт. Василий разглядывает колоду. Сомнений у него нет: это его.

– Итак?

Итак, ему предлагают решить, где же он находился в то время, когда Паныча подвешивали на штырь на его же собственной лестничной площадке.

– Я... могу позвонить?

Трубку берёт Лизавета, голос у неё сухой, отчуждённый, так что Василий сразу представил её по-щучьи выпяченные губы.

– Славик? Да он же уехал, ещё три дня назад... В Крым, разве он не говорил тебе? Странно. Вместе с Коновым и уехал. Подыскивают фазенду для отпуска. А у тебя чего такой голос-то? Ты давай завязывай. Видишь, и с памятью у тебя не всё в порядке...

– Итак, вы вспомнили, где обронули эту колоду карт? И, кстати, эту железяку, этот штырь над дверью... вы его сами заколачивали или кто-то из ваших поделщиков?

«Подожди, подожди, как же так!.. – бьётся жилка на виске у Василия. – Надо всё по... продумать всё надо...» Но кто-то ехидный сбивает: дескать, думай – не думай, умней не станешь...

Предпоследний романтик

...«Что такое?!»

Некоторое время Виктор Палыч пытается сообразить, где он и что с ним. Состояние необычное, интригующе-пугающее – тугой спелёнутости, то есть физической беспомощности и психической подавленности, даже оглушённости. Наконец, как будто пузырь на поверхность воды, выпрыгнула догадка: он попал в беду, вследствие которой и находился до последней минуты без чувств. Но что же произошло? Господи, что?! С трудом и опаской поворачивает он голову – в секторе обзора лишь мутное подскамеечное пространство. Освоив и привыкнув к увиденному («Это даже интересно, чёрт возьми!»), пробует приподняться. Не получилось. Лихорадочно соображает: как быть? Рассчитывать на чьё-то вмешательство, по-видимому, не приходится. Превозмогая боль, ослепляющей вспышкой полыхнувшей в голове, поворачивается с живота на бок, затем, кое-как опершись на руки, садится. Терпеливо – а точнее, с покорностью калеки – дожидается, пока вернётся зрение. И эти несколько секунд – что тебе вечность при падении с высокого речного обрыва – повезёт, не повезёт, на глубину или на камни?!.

Первое, что различил после этого – рысьи глаза на сером напряжённом лице наклонившегося к нему парня. Доверившись обострённой интуиции, он выдержал этот стылый, изучающий взгляд и попросил:

– Поддержи-ка. – И не узнал своего голоса.

Парень взял под локоть, помог перебраться с пола на скамью. И опять пришлось перетерпеть резкую боль в груди и ногах, подавить тошноту.

– Лихо тебя отделали.

– А кто?

– Почём я знаю. Я зашёл, в вагоне уже никого... – и воровато оглянулся. – Скоро конечная. Идти сможешь?

Виктор Палыч попробовал встать, однако, охнув, рухнул на скамью. Теперь он опасался взглянуть парню в глаза, по-прежнему чувствуя исходящую от него опасность.

– Ты не поможешь мне?

– Насчёт чего?

– Ну... домой добраться.

– А деньги у тебя есть?

Виктор Палыч ощупал карманы.

– Были вообще-то...

Парень скептически усмехнулся, откинулся на спинку сиденья:

– А дома?

Делая вид, что припоминает, Виктор Палыч на самом деле прикидывал, стоит ли довериться этому типу, чем-то похожему на стервятника, прилетевшего на мертвечину. Но что делать?

– Есть... есть, конечно.

– Ну что ж.

Выходя из вагона, столкнулись с милицейским патрулём. И Виктор Палыч потерял сознание.

Характерный, застарелый запах: не то хлев, не то галюн. И осязательное ощущение опасности... потому поспешно пробирается в темноте на ощупь вглубь помещения, желая укрыться понадёжнее. Вдруг откуда ни возьмись бешеный оскал гигантской собаки! В цепенящем ужасе Виктор Палыч отшатывается, но острые зубы успевают вцепиться в щиколотку, вгрызаются

в кость... Выдавив из груди вопль, просыпается. Минуту-другую грохот сердца и прерывистое дыхание заполняют пространство вокруг. Мысль, что опасность миновала, начинает возобладать. Боль в ноге остра и реальна, и он, слегка повернувшись, поправляет гипс, врезавшийся в лодыжку.

За окном луна. В белёсой полутьме палаты, через койку, пыхтит на судне Мироныч, прозванный герцогом за породистого вида усы и бороду. Досада, что теперь до утра, а, возможно, и дольше (поскольку нянечка Паша пребывала в запое после зарплаты) придётся дышать испражнениями шевельнулась под сердцем: сам Виктор Палыч уже неделю почти ничего не ел и, стало быть, не испытывал нужды... «Ты теперь что собака, которую машина переехала, – обозначил давеча сходство положений Митя, лежавший вдоль той же стены, что и Виктор Палыч, и пояснил: – Это она для того, собака, чтобы сила крови зря не тратилась – на пищеварение. Природа не дура». – «А ты чего ж, Митяй, не следуешь природе?..» – «А человек разве слушается?.. И потом, я уже второй раз тут. Попёрся в туалет – ночью, дома – и запнулся за клюшку». Митя запросто мог бы играть клоуна без маски: чёрные глаза, что сливины торчком, косят на кончик носа, сюда же и губы тянутся (муху сдуть или ещё зачем), и общее постоянное выражение физиономии – недоверчивое удивление (или недоумение?). К тому же он мог поворачивать голову на все почти сто восемьдесят градусов. Так что чем не скоморох?.. Ладно, хоть он нынче не пыхтит – не тужится.

Вчера приходил следователь, совсем не похожий на человека из органов, расспрашивал: кто, как, имеются ли свидетели?.. Но что Виктор Палыч мог сказать? Полный провал в памяти. Помнил только, что было до того, как сел в электричку, да ещё... как сошёл. А вот между этими координатами...

– И правильно, – заметил скоморох Митя. – Не по што с такими откровенничать. А то явился, понимаешь, корочку не показал. Кто таков на самом деле? Может, как раз из тех субчиков, кто тебя и отдубасил.

«Мудрецы скоморохи, блин», – чуть не обронил Виктор Палыч.

И всё же память его непроизвольно напрягалась, искала ход в забытое. И вот сейчас, среди ночи...

От удара сбоку перед его глазами сместились зелёная и оранжевая полосы, будто неоновая вывеска рухнула и, угасая, посыпалась осколками. И в то же мгновение он понял – словно, пока он валился на пол, прозвучал некий голос-предупреждение: не выберешься из тамбура, выкинут из электрички на полном ходу... может, потому, что видел однажды, как выбросили из соседнего вагона женщину. Впечатление: точно мусор какой выбросили. И неведомая сила подтолкнула в спину, утвердила на ногах, и он зарычал даже, точно боевой клич вырвался из горла, и, увидев при этом замешательство в одинаково лютых лицах нападавших, оттолкнул от себя кого-то с прохода, рванул дверь и побежал по шаткому вагону...

«Кто же это меня? За что?»

Вяло стал перебирать своих знакомых... однако, отметал решительней: «Ерунда всё это! Тьфу, не то...» И действительно, были кое-какие трения с некоторой публикой, но не на столько же серьёзные, чтобы... «Нет-нет, не то».

«Ну, хорошо, что же тогда было до?.. А до чего?..» Внезапно – точно на своё привычное место втиснулась смазанная деталь – вспомнил: он ударил... Да-да, ведь он первым ударил!.. Но кого?.. смутно-смутно... За что?

В пульсирующей оторопи, затаив дыхание, лежал некоторое время и старался определить: подсказка ли это из глубин подсознания или же он начинает, так сказать, фантазировать на заданную тему. От напряжения у него начинает ломить затылок, и он упускает, казалось,

близкий миг прозрения. «Ушибли всё ж вы мне голову, твари. Ишь как бо-бо». Расслабившись, он отпускает сдерживаемое воображение «в свободное плавание».

Где-то читал или по телевизору... о психотропном оружии. Якобы выкрали такое оружие преступные элементы и готовы применить на практике. И рисуется ему картинка, как идёт он и попадает в это электронное поле, и становится управляемым объектом. «Иди и ударь!», – приказывают ему невидимые и оттого ещё более страшные существа. И он направляется к «месту действия»...

Обидно! Виктор Палыч испытывает боль в рёбрах от возбужденного дыхания. «Паразиты! Развлекаются! Игрушку нашли! На рёбра мои им наплевать!» И сам не поймёт, чего больше в его реакции – самоиронии или отчаяния.

«Ну да ладно, это для разминки мозгов. В сущности, на кой ляд я кому-то сдался. Вот что на самом деле-то?.. Что? Нет, ну ты вспомнил: ударил... но за что? Просто так взял и ударил? И всё? Просто так? Ну не ерунда?!»

Утренняя клоунада скомороха Мити:

– Спал он крепко, крепко, крепко – заболела даже репка!

Омоновцы с вахты первого этажа во главе с медсестрой привозят новенького – большого косматого бородача, кое-как переваливают с каталки на кровать, отчего тот утробно мычит:

– Но-оги мои! Упустили, падлы! – и, зарывая голову в подушку, скрипит зубами.

Пришла сестра поставить ему капельницу.

– Дай-ка, милоч, ручку.

Бородач с ошеломляющей яростью вскидывается:

– Уйди! Не то получишь черепно-мозговую травму! – и прибавляет выражения позабористее, так что медичка выскакивает с капельницей за дверь, правда, огрызнувшись на том же сленге. Бородач укрылся одеялом с головой и почти сразу засопел.

– Ну и ну, – сказал герцог опасливо, – ещё один сумасшедший! Этак он мой «вертолёт» зашибёт!

Действительно, столик с аппаратом, вытягивающим ногу герцога, находился от кровати новенького на расстоянии менее метра.

– Я его лет пятнадцать назад знал, – сообщил скоморох-Митя шёпотом. – Совсем другой был человек. Боксёр, между прочим. Потом у него что-то с рукой случилось... Ой, комары ещё тут! Хобот свой сперва помыл бы, а то, как ни укусишь, так волдырь! Зве-ери настоящие, – и Митя с наслаждением растёр в ладонях пойманного «зверя».

– А с ума когда сошёл?

– Кто? А-а, этот. Меня другое сейчас интересует, – и Скоморох перекинул на кровать Виктора Палыча газету. – Ты поглянь-ка, романтик. Как две капли!

Виктор Палыч развернул. На одном из снимков в репортаже о Чечне на виселице болтались три бородатые головы.

– Фу! Ну ты прям скажешь.

– А что, не похож разве? Пришили голову и – к нам в палату. Мироныч, ты как считаешь, могли нам басмача подселить? Или как по-сегодняшнему кличут... ну, которых из Дагестана намедни вышибли?.. Вах-хобиты?

Герцог покряхтел, прежде чем ответить:

– Что ж они, своих вешают?

– Ну-у... Может, бей своих, чтоб чужие боялись?

Герцог опять покряхтел:

– Это уже романтизм... с большой дороги, – и закрыл глаза. Он неважно себя чувствовал: вчера вечером его навестили парень с девицей, соседи по дому, принесли бутылку водки, потом парень ходил ещё за одной. Девица после никак не могла распроститься: «Вы, клиенты,

не грустите без меня, потому что я вас всех люблю. Желая вам...» – она много чего желала, путалась, и всё никак не могла закрутиться, пока парень не вывел её за руку. Однако через минуту она вернулась и сделала общий поклон, наподобие эстрадных.

Теперь вот герцог рассиропился, думает – иногда вслух – о том, как ему будет несладко одному дома на одной ноге, когда выпишут, да ещё думает, как бы так втихаря от врачей снять очередную гирьку с аппарата, называемый тут «вертолёт». Короче, неплохо бы опохмелиться... Он уже намекал Скомороху, которого вчера также угощали, как сторожила (к тому же у него с герцогом были одинаковые переломы), что долг платежом красен, но тот никак не среагировал – денег у него нет потому что. Да, собственно, послать в магазин всё равно некого.

Виктор Палыч незаметно задремал. И приснилось ему: привезли какой-то большой аппарат, засунули туда ногу «клиента» и стали проводить испытание. «Вот сволочи! – подумал „клиент“ в образе Виктора Палыча. – И ведь обязательно на мне! Кролика подопытного нашли!» Он уже сообразил, что это не наяву, а во сне, однако колено так ныло, что он по инерции злился на «испытателей».

Вечером в палату поместили бомжа... бомжа – не бомжа, но что-то наподобие, с изуродованной кистью правой руки, точнее – торчащим из повязки будто ошпаренным указательным пальцем, всё остальное, как он объяснил, заикаясь, срезало циркулярной пилой. И Скоморох тут же в открытую его окрестил: «Перст указующий!» И Перст этот устроился на койке рядом с герцогом. Вскоре герцог заелозил на своём приподнятом в изголовье ложе, стал покусывать седой ус, затем как-то незаметно сговорился со своим новым соседом, и тот вышел минут на двадцать... Вернулся с бутылкой и разлил по стаканам. Скомороха новые компаньоны обошли и он молчком глотал слюну, отвернув голову к стене.

Чуть позже Перст сбегал за второй бутылкой, и опять Митя остался не при чём. Виктор Палыч наблюдал за ним и сочувствовал: Перст и ему не понравился с первой же минуты. Это был бомж – «чего изволите». Он порывался всем угодить – и больным и персоналу: ложки-тарелки подать, мочу вынести и прочее, причём после этого своего угождения мог взять что-нибудь с чужой тумбочки – сигарету ли, кусок хлеба... В конце концов, он возбудил против себя неприязнь и самого герцога, чьё нападение на Перста было для всех полной неожиданностью.

– А ну положи на место! И не трожь! Ишь ты, промокашка! Ко мне сын приезжает в неделю раз, а ты все продукты умять за один присест хочешь! Пошёл вон отсюда, чучело! Чего zenки пялишь? Выпил на халяву и будь доволен! Не понял? Положи на место, я сказал!..

– А ч-что я у т-тебя взял? – взвизгнул Перст. – Я х-хлеб свой взял!

– И жрёт, и жрёт...

Они ещё поперерекались, затем Перст лёг и завернулся в одеяло.

Когда утром врач (если глядеть со спины – вылитый Винни-Пух: такой же затылок, покатая спина и короткие оттопыренные ручки) осматривал Перста, тот не без умысла и довольно противным голосом приговаривал:

– Не обращайтесь внимания на мои мослы. Мне бы всего пару недель нормального питания... – как бы намекал, значит, что не просит большего.

Врач, как и Винни-Пух, на секунду-другую застыл в раздумье и ничего не ответил, кроме неопределённого «угу».

А Перст после осмотра пожаловался, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Я последнее время почти что ничего не ел.

На что ему Дуб (тут у всех, как вы заметили, появляются прозвища, частью легальные, частью нелегальные, то есть употребляемые за глаза. Дуб из последних пациентов, но о нём подробности чуть позже) ... так вот Дуб сказал:

– Летом да не найти поесть – это уж слишком. Ты разбаловался, Перст.

– Но я не ворую.

– А зачем воровать. Приходи с утра на рынок. Не здесь, так в Лианозово поезжай. Там одни бабы ящики разгружают. Они тебя без соуса проглотят.

Перст посмотрел на свою калечную руку и даже произвёл руками некий жест, точно примерялся что-то взять-подхватить.

– Ящики, пожалуй, смогу.

– А так зашибут тебя где-нибудь, обязательно зашибут. Всё равно ведь своруешь, как припрёт.

Так вот Дуб, пожилой, лысоватый, но с пышными усами дядька очутился на кровати рядом с Виктором Палычем вчера днём: его привезли на каталке чуть ли не бездыханного, за ним ввалилась целая свита сопровождающих-родственников, все деловые, энергичные, особенно женщины, весьма респектабельно одетые. Дочь сразу же стала выяснять, сколько нужно давать медсестре за укол, сколько за массаж и так далее, причём обращалась почему-то к Виктору Палычу, чем, кстати, очень его смутила, поскольку... Давеча уже говорилось, что все пациенты сразу же обретали довольно точные – по внешности или по внутреннему содержанию – прозвища. Виктора Палыча, к его собственному удивлению, окрестили романтиком. Он не стал возражать, даже выяснять не стал, отчего так, но призадумался: не иначе как и в самом деле в его натуре имеется сей ингредиент и не в малой пропорции. И что с этим ингредиентом делать в сорок-то девять лет? Просто принять к сведению?.. О себе он был мнения скромного: великим умом не блещет, однако обладает изрядной интуицией, что помогало ему быть хорошим служащим, а это, собственно... Впрочем, закончим с Дубом. Оказывается, он пилил на своём участке засохший дуб, да как-то не рассчитал. То ли его стукнуло падающим деревом, то ли с испуга, но он потерял сознание. Однако сегодня он воспрянул духом – понял, что легко отделался, и к нему возвратилась страсть – видимо, природная и развитая на практике – наставлять, поучать. Это бы не так бросалось в глаза, если б в голосе не присутствовали нотки менторско-привередливые. Он любил, чтоб его слушали и слушались. Кстати, рассказал, что дачу его обворовали, много вещей забрали, из чего следовало, что был он человеком состоятельным. В прошлом, был намёк, чуть ли не министром. Виктор Палыча всегда интересовали подобные сочетания слов, как вот это «чуть ли не...» и он хотел уточнить: чуть ли не министр это, что ли, зам? Однако воздержался, поскольку Дуб продолжал:

– А намеднишь из автомата стреляли по крышам! Представляете? Я позвонил, приехали с местного отделения и сказали по-дружески: ты бы лучше, папаша, звонил в Москву, а то нам тут как-то не с руки... А эти ребятки, ну те, что стреляли, приехали на следующей неделе в моё отсутствие и набили морду моему соседу, чтоб, значит, не дёргался больше к телефону. А? Каково! Я уж не стал ему говорить, кто звонил...

Ночью проснулся от шороха – это «вахобит» мял в ладонях что-то шуршащее.

Погоди-ка, сказал себе Виктор Палыч: это шуршание почему-то напомнило ему, как он у себя на работе в тот самый именно злополучный день, когда попал в больницу, спорил – да ещё как спорил! – о том, стоит ли возвращать в нашу современную жизнь институт дуэли. Бог его знает, с чего спор начался, однако Виктор Палыча он задел за живое. Он страстно утверждал, что дуэль помогла бы восстановить в обществе понятие чести и достоинства. Причём искренне в это веря.

«Ну да, и что? К чему это?..»

И опять что-то такое из тумана прорезывается... «Может, это во мне запрограммировалось?.. и подсознание выбрало вариант... Вариант чего? Чушь какая-то!.. Хотя почему нет? Хотя что-то опять типа гипноза... Самогипноз! Или вспышки на солнце, чёрт бы их побрал!.. Скажи лучше, что был пьян и ввязался в какую-нибудь ерунду... из-за бабы, например. Ну, значит, дурак. Ну, теплее».

Ну не чепуха! Однако мысль засела... так что даже стала злить.

– Эй, вахобит, кончай шуршать!

«Вахобит» притих, но ненадолго, потом глухо откликнулся:

– Ты чего, мудрёна вошь, на меня вагоном прёшь!

«В самом деле, ненормальный!.. Впрочем, я тоже, кажется, не очень... Действительно, либо мозги набекрень, либо уж не знаю что... дуэлянт нашёлся!»

Однако раздражение словно прочистило мозг, и он вспомнил... впрочем, вспомнил или вообразил – на этом не стал задерживаться, так как версия показалась знакомой, и, стало быть, выглядела правдоподобной.

Он вновь находился в электричке. Ему приглянулась женщина на крайнем сиденье у выхода. И он время от времени смотрел на неё и пытался угадать её характер. Он даже подумал, хорошо бы найти повод и заговорить с ней, как... эти, что ввалились из тамбура, грубо задели её, а затем и припечатали словцом... Нет, он не вскочил, не вступился тут же, но... задохнулся возмущением и его проняла дрожь, и он не мог понять, трусит он или негодует (всё же, наверно, он не рыцарь, и эта обидная мысль впиалась в мозг, стала точить, уедасть). Электричка останавливается, и все толпятся на выход, чтобы пересесть на другую. Виктор Палыч тоже выходит на перрон и сразу видит ту компанию под фонарём...

Он даже не понял, как очутился рядом, даже опешил от столь фантастического перемещения, затем, однако, подходит – точно сомнамбула! – вплотную к этому... лицо никак не вспоминается... и отчётливо говорит:

– Я тебя вызываю.

Мужик прищурил один глаз на подошедшего: очевидно, не понял юмора. Виктор Палыч подождал секунду-другую и вlepил пощёчину.

– Дуэль! Я тебя вызываю. Уразумел теперь? – но так и не дождался ответа: мужик и его дружки стояли, точно оглоушенные. Виктор Палыч развернулся и отправился к скамье, где оставил свою сумку. С шипением распахнулись двери подошедшей электрички.

В вагоне к нему подошёл парень и, пригнувшись, сказал на ухо:

– Ты, кажись, кого-то вызывал... пройдем...

Подвинув по сиденью к окну свою сумку, Виктор Палыч загипнотизировано последовал за парнем.

Последующие дни Виктор Палыч возвращался мыслью к невероятному открытию – дуэли, и сетовал: «Ну не дурак?! Точно, шиза проклюнулась! Дуэль! – в наш-то век... Ну ладно бы пьян!.. Нет, это я чтой-то загнул, насочинял». Правда, особо заикливаться на этом ему не позволяли соседи по палате...

На место «вахобита», отлынивавшего от лечения, поместили хохла, упавшего с крыши и получившего такой же перелом, как у Скомороха с Герцогом.

– Так! – возликовал Митя. – В нашем полку прибыло.

Тут же возникла дискуссия на тему:

– Кой хрен надо было вам отделяться от нас, если вы к нам же и прётесь после этого в поисках работы, а? – герцог привстал на локтях. – Скажи-ка вот мне, хохляндия?

– О-о! – простонал новоприбывший хохол. – Я-то тут причём? Спроси у политиков.

– Э-э, нет, мы у тебя спрашиваем! – поддержал герцога Скоморох. – Расценки нам вы сбиваете! А строить не умеете, как следует! С крыши он свалился! Так тебе и надо.

– Погоди, – перебил герцог. – Вот я вам расскажу, как я к сестре ездил о ту пору, горилку пить. Петро, её мужик, о-ох бандюга... – герцог потряс кулаком, выискивая подходящее слово. – Ну вообще, я ему ка-ак вмазал!..

– И что?

– А он... там такая сковорода с ручкой... хватает её и по лбу меня! Фах! Я с копыт.

– Ну?

– Всё.

– Да? А кто за бутылкой побежит? Без неё нам всё равно не разобраться. Романтик, тебе когда костыли принесут?

Можно много чего ещё рассказывать о тех днях, что Виктор Палыч провёл в больнице, и, в общем и целом, скучно не покажется, но и весело никому особо не будет. Так, развлекали друг друга, как могли. Однако рассказ наш совсем о другом и заканчивается таким образом.

Полгода спустя Романтик (прошу прощения – вырвалось невзначай: к этим прозвищам так быстро привыкаешь!) ... Виктор Палыч ожидал на платформе электричку; облокотясь на ограждение, курил. Мимо прошёл мужчина, показавшийся знакомым. Виктор Палыч, докурив, потушил окурок о край урны, поглядел в спину уходящему и, не успев ещё отдать себе отчёта в причине побуждения, пошёл следом. Мужчина остановился, повернулся лицом, Виктор Палыч приблизился вплотную и неожиданно для себя произнёс:

– Ну... что... дуэль?

На скулах знакомого обозначились желваки. Несколько секунд он покусывал нижнюю губу и вздрагивал прозрачными льдинками зрачков. Затем сделал быстрый шаг назад и, будто в тысячный раз – так это у него легко, заучено получилось, – перемахнул ограждение... Виктор Палыч проводил убегающего взглядом до автобусной остановки, где тот и смешался с толпой, притопнул всё ещё побаливающей ногой (не догнать, да и не в этом дело), сплюнул. Только войдя в вагон и усевшись на сиденье у окна, за которым по-зимнему начало пуржить, он ощутил страшную усталость. «А ведь была весна... Шесть месяцев как корова языком!.. А с какого рожна?»

«А может, этот тип решил, что я ненормальный? Проще удрать, чем связываться... Не да, может, я и романтик, но явно последний... ну или предпоследний».

Короче, как ни поверни, а загадка так и осталась для Виктора Палыча неразгаданной.

Опять двадцать пять

«Главное в таком мероприятии», – *загодя* напомнил себе Виктор Васильевич, – это вовремя *слинять*». (Ну, сбежать то бишь).

Он, видите ли, всего лишь неделю назад вернулся к жене из *продолжительного отпуска*... Короче, вновь сошлись. И это обстоятельство надо было бы закрепить *хорошим поведением* на встрече Нового года. А для этого надобно, что ли, заблаговременно вернуться хотя бы и помочь в сервировке стола... Поэтому Вэ Вэ – мы так, для краткости, будем звать нашего нового знакомого – быстренько, в *первых рядах* служебного застолья блеснул красно-речивым спичем, пропустил пару-тройку рюмок и под шумок – сперва в туалет, затем в гардероб, а уж затем легче лёгкого – летучим пёрышком – в парадное офиса, а там и на электричку.

Город бурлил, пах ёлками, мандаринами и чёрт знает чем ещё, люди метались озабоченно, но целеустремлённо и беззлобно, в предвкушении продолжительного веселья. И Вэвэ, подчиняясь ажиотажному настрою народонаселения столицы, зажётся тем внутренним нетерпением – удалось, удалось ему первое задуманное действие – *слинять* вовремя, значит и всё остальное будет в аккурат! – устремился к *намеченной цели*.

В электричке поначалу было битком – в сам вагон не протолкнуться. Вэвэ даже не рискнул закурить в тамбуре, но где-то за Долгопом слегка рассосалось, и он с удовольствием затянулся (убегая от застолья, он даже в туалете не курнул, боясь, что его *поведёт*, – вот нужда так нужда, не правда ли?). Тут он себе позволил раскрепоститься. А что? – до дому уж недалече, да и выпитые рюмки как-то выветрились. Надо тут к слову заметить, что Вэвэ был не столько слаб в ногах при подпитии, сколько, наоборот, его начинало затягивать, образно выражаясь, в *водоворот капризных событий*...

Вот он закурил, затянулся, стало ему хорошо, приятно, он тепло посмотрел на свою дырявую сетку, из которой торчал банан, отщепясь от остальных своих жёлтых собратьев, и виднелась серебряная головка шампанского. И всё бы хорошо, не будь вот тут же рядом в тамбуре этих юных сквернословов, в сущности уже не пацанов, потому как усатеньких, но почему-то до сих пор вот эдаких-разэдаких... Всего больше Вэвэ раздражал не сам факт сквернословия, а его беспочвенность, отсутствие необходимости в применении. Ладно, когда человек исчерпал весь свой обиходный словарь, а воз, как говорится, и ныне... ни с места и всё тут: ну не доходит до *этой треклятущей* лошади, как прямо до жирафа! Ребята как бы самоутверждались друг перед другом, хотя, повторим, имели давно уж крутые плечи и бритые подбородки.

А, чего там! – Вэвэ отвернулся. – Инфантилизм косолапый он и в наш век себя не исчерпал.

Но в эту минуту вошла женщина и, точно с испугу, ахнула, присела даже:

– Ой, батюшки мои! И что это вам, ребята, так нравится выражаться? Ну понимаю, среди своих там где-то, не в общественном же месте... Да так грязно!.. Уж я привыкшая-привыкшая, и то уши вянут... Напугали!

– Заткнись, старуха! – мгновенно отреагировал один. – Напугаешь тебя, как же, колодушку такую!

И ведь что удивительно: «старик, старуха» – так и к друзьям обращаются, нормально всё. Подросток – к подростку, молодая – к молодой. Но когда вот так – юнец-паршивец – к пожилой женщине... Тут-то Вэвэ и не смог утерпеть.

– Опять двадцать пять?! Ох, и гад же ты ползучий! Как вот наверну по башке, чтоб язык свой поганый прикусил!

Он, конечно, и не собирался *наворачивать*, даже сетка в руке не шелохнулась, он взъерепенился просто потому, что душа не вытерпела, нутро перевернулось: праздник ведь, да какой! – Новый год через пару часов! И такой смрад наркоты... или чего там ещё может быть?

А если даже без дурмана они так-то ворочают языком, то... ещё хуже. Бес их разберёт! Значит, в голове у чижика механизм сломан. Сломался механизм, не починишь – то бишь не перевоспитаешь игрушку заводную...

Но все эти сумбурные мысли полетели вон, потому что Вэвэ получил удар сбоку и мысль сверкнула уже другая: почему это его всегда-то норовят ударить сзади или сбоку? Такая вот глупая мыслишка промелькнула, успела-таки суетливая прошмыгнуть мышкой пугливой, он не обратил на неё особого внимания, он уже махал руками, отбивался ногами, очутясь на полу, а потом уже вовсе ни о чём уже не думал... думательный попросту аппарат отключился.

Очнулся уже в вагоне – и странно, пустом совершенно вагоне – свет какой-то такой тусклый – женщина рядом только и сидит, бубнит чего-то, Вэвэ напрягся, вслушался.

– Я вас немножечко почистила. Вот. Больше как-то не оттирается.

– Ничего, мамаш. Скоро Лобня-то?

– И, батенька, уж Вербилки пролетели. И зачем вы с ними связались? К таким беспочвенным и с лаской без пользы...

– Риторический вопрос, мамаша, зачем. Вы-то зачем?.. Зачем нужны рельсы трамваю? Женщина всхлипнула.

– Чего? Тоже проскочили свою станцию?

– Я-то как раз и нет. Мне на Большой Волге.

– Вот там и переночую. Я там как-то был, занесло по работе да припозднился... рыбаки там ночь сторожат, а поутру на лёд. Не впервой, короче.

– Нет уж, ко мне пойдём, милоч.

Вэвэ внимательнее взгляделся в женщину: стара. Усмехнулся. Не получалось романтики.

– А интересно, в обратную сторону паровозик будет ещё-то?

– Я, право, батюшка, и не знаю. Редко езжу. Это уж к празднику решила в столицу – капустку кислую продала, морковку, всё внучатам на гостинец какой-никакой. Дочка-то без мужа да без работы... Сократили, говорит. – И вздохнула тяжело. – Сойти хотите? Лучше не рысковать. Если уж будет, с Большой Волги и поедите. А то на морозе по перрону... не везде тутотко есть вокзал. Простором задувает...

Так вдвоём на целый вагон они и доехали *до места*. Вышли, и женщина побежала узнать насчёт расписания электричек.

– Вы тут побудьте, а то вдруг пойдёт. А я посмотрю и за вами вернусь.

И едва она растворилась в сумерках пристанционного освещения, перед Вэвэ возник милиционер под два метра ростом, и дядей Стёпой можно назвать и Малыш – тоже недурно прозвучит. А видок у нашего Вэвэ – представляете: как из стиральной машины – жёваный-пережёванный... Точнее, из бетономешалки. Ребятки-то ноги не вытерли, когда пинаться вздумали.

Спрашивает *Малыш* участливо:

– Ну и чего такой?

– Какой?

– Извазюканный.

– Да так, браток.

Он к нему действительно как к братку, к сынку, парнишка молодой, хоть и здоровенный. А того, видать, заело эдакое обращенье.

– Ваш паспорт позовьте.

– Это вы не по адресу. Вам нужно в паспортный стол...

И ведь не со зла опять же брякнул, скорее, наоборот – от внезапного чувства приязни, от расположения. И откуда, чёрт возьми, что берётся – и злость необъяснимая, и приязнь неожиданная! – поди-ка разберись, когда тебе по голове настучали уже и хорошо настучали.

Но парняга-Малыш опешил. Тогда Вэвэ прибавил, чтобы слегка сгладить невыгодное впечатление:

– Странно всё-таки. Я думал, только в нашем городе затруднения с бланками. Оказывается, и у вас та же картина. – После чего габаритный милиционер и сказал, он уже, зная, успел обидеться:

– Пройдёте, гражданин.

Не берусь утверждать, что у молодого человека в милицейской форме нелады с юмором. Попросту юмор Вэвэ несколько специфический. Например, однажды на него «наехал» лучший друг – ситуация наиглупейшая (друг перепил, замахнулся бутылкой, Вэвэ тогда оцепенел не столько от угрозы физической расправы, сколько от несправедливости, потому что не имел никакого отношения к тому, в чём его обвинили), и тогда Вэвэ захлопал глазами, зашмыгал носом и детским обиженным голосом произнёс:

– Папе скажу! Он тебе задаст!

От такого *поворота* приятель так же вот опешил и – что удивительно – мигом остыл.

Ну, пошли. И без того настроение поганое, а тут ещё это – привяжутся – не отвяжутся, последние деньги из кармана выгребут, как давеча, а уж в таком виде точно в гадюшник загонят, не то что первого – пятнадцатого едва ли выйдешь. Вот те и сервировка стола. Праздник души и сердца. Прощай доверие и почёт в семейных пенатах. Думал так примерно Вэвэ, шагая обок с громоздким парнягой, а сам косил по сторонам: нельзя ли рвануть в какую-нито подворотню. Глядь, чернеет шагах в пяти колодец открытый. И размышлять-то уж некогда. Свет от фонаря высветил верхнюю скобу – стало быть, есть за что зацепиться. Только б ноги не поломать... И – сиганул. Сам даже восхитился прыти своей. Да как удачно ведь – не будь выпивши да побит, обязательно б чего-нибудь да вывихнул. А тут – скользь и уже висит на руках, да ещё пониже на скобу перехватился.

– Э, батя, ты что, очумел?!

Молчок.

– Хорош притворяться. Дури много? Я ж ты всё одно достану. За шиворот выволоку, сморчок ты этакий. Ну! – И он действительно ухватился за воротник, но одной рукой, не двумя – из опаски, вероятно, самому сгрозотать, да и запашок из колодца – отпрянул даже.

Молчок.

– Ну и падла! – парень оторопь утратил, досадой наполнился. – Вылазь по-хорошему, не то каблуком щас по пальцам потопчу! Слышь? Так дальше и полетишь в канализацию.

– Послушай, можно вопрос? – подал голос Вэвэ.

– Чего?

– Вопрос.

– Ну, валяй, – и вновь в голосе парня прозвучала растерянность: молодой ещё, неопытный, не успел нарастить панцирь из толстой кожи.

– Почему вы, молодые люди, всё время перескакиваете сразу на децибелы?

– На что, на что? – заорал Малыш, сообразив, что над ним ещё и подтрунивают.

А под ногами у Вэвэ булькало и вонько так пахло, до тошноты.

– Ага! – сказал тут парень. – Ладно. Душок тебе, зная, по нраву, ладно. Щас мы тебя прикроем, чтоб не убёг. А пока я хожу за подмогой, ты понюхай, поню-юхай!.. – И над головой у Вэвэ заскрежетала чугунная крышка.

Потерплю немного и вылезу, решил Вэвэ упрямо, всё равно вылезу живой и невредимый, всем вам на зло, гадам-паразитам! Решить-то он решил, да что-то больно невмочь стало – такой охватило вонью, что он чуть ли не взлетел кверху, упёрся головой и чуть шею себе не свернул впопыхах. То ли крышка чересчур тяжеленная, то ли младой варяг нагромоздил на неё нечто из подручных средств. Ну уж нет! Вэвэ упёрся теперь не затылком, как в спешке это сделал,

а загривком, упёрся так, что либо скобы под ногами заскрежетали, либо позвоночник. О-о-уф! Пошевелилась! Двинулась!

Вэвэ разгibasся, словно Геракл в мифах. Но зато какой морозный воздух хлынул в его лёгкие, какая неопиcуемая радость охватила его... Только б другого Геракла поблизости не оказалось!

Вывалился Вэвэ наружу, оглянулся воровато, задвинул люк на горло вонючему колодцу-подонку и дунул за ближайший угол.

Там, однако, его никто не ждал к праздничному столу, стало быть, приглашения не последует. И пошёл тогда петлять Вэвэ поближе к платформе в расчёте заметить своевременно электричку, буде такая, или хотя бы ту тётку – умыться да отогреться у неё всё же теперь не помешало б...

Но стука колёс всё не доносилось, а звёзды на небе становились прозрачнее, ядрёнее, так что морозить начинало подходяще. И захотелось уже не на шутку в тепло, в домашний уют. «Однако лучше схватить машинёнку, чем воспаление...» – да денег вряд ли вот хватит. Хотя могут же попутчики сколотиться – на праздник кто только не опаздывает. И Вэвэ двинул в известном ему направлении. И тут – наперерез, точно грабители! – трое рыбаков с санками, к которым приторочены ящики, так резво-весело шли, подлецы, так хрустко шевелили валенками, так зычно выдыхали столбики пара изо рта, как мохнатые лошадки на марше, что Вэвэ невольно окликнул:

– На вокзал, что ль, добытчики?

– Не, – добродушно ответили маршруровавшие. И так это у них получилось славно и слаженно: «Н-не – не – не!» Дескать, что ты, с ума сошёл! Мы не такие дурни – мы совсем в другую сторону!

– А чего ж так рано тогда? Обычно к утру примериваются.

– Да мы тут поблизости. Омучочек знаем.

Они, эти рыбаки, не были похожи на профессионалов, те б не ответили так, не продали так задешево своё местечко, значит – Новый год ребята двинули встречать. Действительно, как это он сразу не догадался?! Осрамился и тут. Вот незадача.

– А я вот пролетел мимо станции своей, гуляю теперь, – он вроде как прикидывался своим, наш Вэвэ. В другой раз и силком слово не выдавит, а тут само вылетело. И было, значит, в этом его слове что-то, что заставило заднего рыбака остановиться и глянуть на *пролетевшего*.

– Ну что ж тогда, чапай за нами, коли так.

Ох блин, и везёт дуракам, только и подумал Вэвэ о себе счастливо-счастливо. Аж в зобу спёрло от удовольствия и умиления. Не оскудела, значит, земля добрыми людьми!

Скоро и причапали. Тальничёк, закуржавевший искрящимся инеем, в ложбинке. Заливчик не то речки, не то ручья. Трое быстренько вгрызлись своими буравчиками в лёд, кинули в лунки мормышки и, как по команде, кинулись к своим сдвинутым санкам, быстренько разложили снедь свою нехитрую, бутылку достали. Раз и *нолито* всем. Кто-то глянул на часы: рано. И тот, что позвал за собой Вэвэ (который, кстати, топтался поодаль, не желая лишний раз о себе напоминать), вдруг спохватился:

– Э, мужик! А ты чегой-то, – он как бы даже икнул, – там? А ну вали сюда! – И напарнику своему: – Налей-ка этому гулёне нечаянному.

Вот таким счастливо-дурацкий образом Вэвэ держал в руках стакан в момент удара курантов. Приёмничек хрипел, подвывал зачем-то, но гимн прорезывался ошутимо, мощно, державно... И то ли от этого, то ли ещё отчего, у всех четверых навернулись слёзы.

А потом пошла всё же рыбалка. И почему она у них клюёт, и почему она у них в это время на крючок бросается, думал Вэвэ, переходя от одной лунки к другой. Он немного разбирался в подлёдном лове – сам потому что в детстве мормышничал, и летом баловался. Ноги у него всё же околели, губы одеревенели, потому он помалкивал и не лез с вопросами. А затем пришла

мысль, что пора уже бежать, и не просто бежать, а прытко скакать, чтобы не замёрзнуть, чтобы не доставить хлопот благодетелям своим – замороженным трупом. И протрубив нечто невразумительное непослушным ртом, пожав всем троим руки, он кинулся наутёк по давешней тропке, и бежал так, не разгибаясь, в полупоклоне почти до самой станции. Там он, не думая ни о ком, кто мог бы ему досадить на этот раз, быстро прошёл вглубь тёмного зальчика и притулился на свободное местечко скамьи и забылся, как ему показалось, буквально минуты на три, не больше.

Но очнулся – уже светало. В испуге вскочил, глянул на часы, потому как уже почти все пассажиры покинули зал – значит, вскоре должен пойти *паровоз*. Посеменил к выходу, а навстречу из дверей, ахнувших морозным облаком, – собственной персоной знакомый Малыш. И неймётся ж ему дежурить ночь напролёт.

– Здравсте! А я уж думал, вы утопили в нечистотах. Совесть прям замучила.

– Ну так и пусти, раз замучила, – огрызнулся Вэвэ, но не очень зло, скорее равнодушно, потому что, во-первых, со сна, во-вторых, ослабила голосовые связки предательская дрожь отчаяния: нет, не пропустила фортуна, посмеяться просто решила, паузу лишь взяла, чтоб расслабился он, глупый. Обречённостью ослабили ноги в коленях, а то рвануть бы напролом в дверь неожиданно и, с толпой смешавшись, – да на электричку, чай не достанет, поленится, вдруг и впрямь совесть у человека не пропала окончательно. Ловит и ловит, гад, в новогоднюю-то ночь! У-у-у, ненавижу! Сил только нет разорвать на части! Убил бы, правда!

Но! Взял Малыш нашего Вэвэ под локоть и повёл... почему-то не через зал, в кабинетик свой, а на улицу. Знать, в другом месте у него кабинет, за платформой, – так подумал Вэвэ, понуро следуя в тисках молодцовской хватки милиционера. Чёрт с ним, как будет, так и будет.

И здесь – это какая-то дьявольщина, в самом деле: у Вэвэ даже рот открылся – к ним стремглав неслась *та самая женщина*, укутанная шалью, и похожая теперь скорее на тётку-торговку. До самой последней секунды Вэвэ не верил – мимо, может, проскочит? И обознатушки вам, ребятушки! Нет, вцепилась в свободный локоть милиционера, заговорила просительно, с позывом на истерику:

– Отпусти! Отпусти, Бога ради, человека! Он из-за меня, мож, и пострадал, а вы, как звери!

– Куда отпустить?! – вдруг тоже взвился парняга и так головой вздёрнул, что шапка съехала набекрень.

– На электричку отпусти!

– А я его куда веду?!

Пауза.

И дальше пошли втроём. Малыш дышал рассерженно, тётка придыхивала с посвистом, а Вэвэ ни дыхания своего не чуял, ни ног.

– Отпусти его, как же! – уже на платформе, отчего-то весело, сказал милиционер, – сиганёт опять в колодезь. Не-е уж, прямо в вагон и засуну. И дверь посторожу, чтоб не выпрыгнул

И тётка заулыбалась, стала отряхивать Вэвэ, чего-то прищёптывая.

И действительно, только подошла электричка, Малыш быстро ввёл Вэвэ в вагон, козырнул и был таков, а тётка махала рукой в варежке с перрона до тех пор, пока Вэвэ не потерял её из виду. Только тогда в груди у него отпустила скользкая потуга на рвоту. Он откинулся на спинку, вздохнул, из дрожливой робости постарался никак не думать о происшедшем.

Побежали по вагону контролёрши. Весёлые и злые с утра девки.

– Билет!

Вэвэ сунул ей вчерашний.

– Чё ты мне кажешь?!

– А нет другого! – вызывающе-враждебно так на неё взглянул. – Вчера мимо дома проехал, вот только сейчас возвращаюсь!

Девка вдруг расплылась в лучезарной улыбке – иначе не скажешь – развернулась и пошла довольная почему-то дальше по вагону, покрикивая опять зло и весело.

ТЬфу ты, ей-бо! У Вэвэ уже сил никаких не осталось, чтобы как-то отблагодарить судьбу за милость.

У своего дома он притормозил, отдышался: «О, язви мя! Кажется, добрался, – ему, и правда, ещё не верилось. – Нет, так не бывает, одна глупость на другую чтоб наезжала без передыху...»

Однако и тут его поджидала новая преграда, но Вэвэ уже примирился к превратностям и был терпелив.

Мужик распростёр объятия на входе:

– Не пущу!

– Почему?

– Выпьешь со мной – гуляй дальше! – и вытянул из кармана бутылку.

– Наливай.

Жена открыла дверь и молчком ушла в комнату. Из другой комнаты с укором глядела дочь. Ну, спросите вы хоть, взмолился мысленно Вэвэ, что со мной приключилось, не совсем же я подлая тварь! Но жена, симпатичная, в общем, и бойкая бабёнка, полностью уверенная, должно быть, в своей правоте, вышла лишь минут через десять на кухню, где Вэвэ притулился и украдкой допивал снесённые после праздника фужеры, и процедила сухо и как-то очень уж нейтрально:

– Опять?

– Что опять?!

– Опять, спрашиваю?

– Ничего не опять, ничего не опять! – взвился Вэвэ. – Что вы все на меня ополчились?!

Она криво усмехнулась, плавно повернулась, прошла в коридор, брезгливо обшарила карманы его грязного полупальто, нашла ключи от квартиры.

– Давай выметайся. – Без всяких эмоций.

Вэвэ похолодел. Что-то в нём вскрикнуло: нет-нет! Это уж слишком!.. Он даже чуть не повалился на колени. Но затем такая лютая ненависть охватила его, что он даже перепугался за себя и потому пригнулся и схватился за голову. Подождав, пока ярость схлынет, он выпрямился:

– Щас! Щас уйду. Ещё минуту посижу...

Он ждал, что она вернётся на кухню, ждал, покуда не понял – *не дождёсси*. А он так мечтал рассказать в красках, со смехом и юмором, свою нелепую одиссею... И это нежелание выслушать поразило его и обидело больше, чем он мог себе вообразить. Дрожащими руками натянул он полупальто, нахлобучил шапку, потоптался у порога в надежде, что хотя бы дочь выглянет из своей комнаты... И вышел на лестничную площадку.

Он знал за собой эту привычку: поплакать с похмелья, справедливо полагая, что слёзы выводят шлаки из организма...

Бао—бабы

Внутреннюю раздёрганность, суетливость и даже слабость Вадим Палыч почувствовал ещё на работе, когда стали перетаскивать мебель из их кабинета в библиотеку (ремонт – а он почему-то всегда не к стати). Вадим Палыч вспотел, пиджак хотел сбросить, но спохватился – замедлил движения, стал ловить *температурный баланс*: и подсохнуть чтоб и не покрыться испариной снова. Затем его прошиб озноб...

И это ведь очень хорошо, подумал Вадим Палыч, что *застукал*, так сказать, наличие в организме простуды. Этих бацыл коварных вовремя надо ловить, да. Затем был, разумеется, выпивон по случаю передислокации, и Вадим Палыч принял самую малость (свою норму) и *слинял* из коллектива без всяких проволочек, зная по опыту, что «перебор» в подобном *состоянии* чреват *нестоянием*... Как сказал бы приятель Веня: «Привязанность иссякла в связи с *отсутствием присутствия*» (но это, пожалуй, из другой арии).

Но, видимо, и норма оказалась нынче не вполне нормальной: он ощутимо *окривел*, его даже слегка бросало *на смене галса* – заносило, что называется, на повороте. И он, усмехаясь фаталистически, делал над собой усилие, дабы в нужный временной отрезок *вписаться в кривую маршрута* (минуя, к примеру, комнату милиции в метро), собраться с силами и выглядеть сообразно законопослушному гражданину. И это ему удавалось, благодаря хотя и пресловутому, но всё же *автопилоту*, настроенному достаточной житейской практикой.

Добравшись до вокзала, Вадим Палыч не пошёл сразу в тёплый вагон, справедливо полагая, что в тамбуре ему легче будет прийти в *равновесие*.

На Луговой, что ли, в тамбур ввалилась толпа... Сумбур, короче. Вадим Палыч едва успел отскочить к противоположным дверям, иначе снесли бы к чертям собачьим и потоптались бы, не обратив на сие незаконное действие никакого внимания. Громоздкая тётка впереди. Её поддерживал мужик и хрупкая девчонка. То ли двери для них троих оказались узкими, то ли оттого, что мужик держал в руках ещё и ведёрки, завязанные поверх сырой тряпицей (с рынка, знать: огурчиками домашними приторговывал, да и не один, а с той же тёткой, после чего и погрелись водочкой), но тётка *оторвалась-вырвалась* и плюхнулась на заплёванный пол, так что даже вагон покачнулся.

– Ой, да помогите ж! – взвизгнула девчонка. Вадим Палыч подхватил упавшую тётку под мышки, но лишь охнул от боли в пояснице. Поэтому зло чуть ли не заорал на сердобольную девчонку:

– Так помогай, доброхотка! Чего пищать? Помогай! – И девчонка сунулась помогать. Но и вдвоём обмякшее грузное тёткино тело поднять не удалось. И Вадим Палыч отступил:

– Пусть слегка оклемается. А то кисель сплошной. Не ухватишь.

И вдруг улыбнулся распахнутым в испуге девоночьим глазам:

– Ничё-ничё, ребята сейчас помогут.

Двое парней, впрыгнувшие в тамбур последними, протиснулись, приподняли тётку, им помог мужик с ведрами (то есть он уже ими брякнул об пол), распахнули двери в вагон, и уже там началась суета-сутолока: кто-то просил-требовал освободить место, кто-то возражал, что всякой пьяни места уступать замучаешься, третий: «Сердце у неё, сердце!.. Валидолу!..» Словом, Вадим Палыч и эта девчонка-пискля остались в тамбуре и, смущённо поглядев друг на друга, перевели дух. Девчонка тут же отвела большие пугливо дрогнувшие зрачки, а Вадим Палыч по привычке своей усмехнулся – это ему всегда помогало *отстраняться*:

– Отбой. Расслабимся.

И минуту-другую действительно оба выравняли «кардиограмму». Затем девчонка – а Вадим Палыч уже рассмотрел её с пристрастием, в подробностях, и проникся и прозрел, что называется... нет-нет, вовсе уже не девчонка перед ним – барышня настоящая, только мини-

атюрная: фигурка точёная, личико свеженькое, неглупое при том (студенточка?), целеустремлённое, жадное до новых впечатлений; глазки большие, эмоциональные, поблескивают при каждом внутреннем импульсе, губки... так что да, барышня, – и опять заволновалась:

– А вы не знаете: на Катуаре останавливается? – и голос у неё оказался вовсе не писклявым, а очень даже мелодичным.

Вадим Палыч пожал плечами:

– Чего-то объявляли, да как-то... ни к чему. Мы же тут копошились... с вашей протее.

И глаза у барышни стали постреливать то в левые стёкла дверей, то в правые, в надежде различить в сумраке проносящиеся мимо платформы. И Вадим Палыч спросил:

– Что, промазали? Бывает. Зато женщине вот помогли. Добро сотворили. Библии, небось, не читали? – И усмехнулся, не поймав в ответ любопытства на своё умничанье («Какая ей библия сейчас?») – Ну да ничего, на Икше сойдёте... – Тут Вадим Палыч был вынужден придержать барышню за локоток, потому что электричка как раз начала тормозить: – Нет-нет, не здесь. Вокзала тут нет настоящего. И темень, к тому же. А с Икши обратно много всяких идёт. Прицепитесь к каким-нибудь бабам с поклажей и через мост... там фонари. А по путям не ходите – каблуки свернёшь. У этих же баб и поспрашиваете. Да и это... по динамику сообщат. – Затем, помолчав: – А что на Катуаре? Кто ждёт? На какую-нибудь вечеринку? То-оже понятно.

Был Вадим Палыч разведён пятый уж год, но жил себе, естественно... то есть у него имелаась постоянная женщина, потому как в пятьдесят совсем одному быть ещё и рановато и не очень-то складно. И хотя Гертруда доставала его своими жалобами на жизнь – на безденежье, на бытовые дразги, на сотрудников-коллег – он вполне нормально с ней мирился... в гражданском браке. И даже позволял себе подтрунивать над ней: «Если дать тебе всё и даже больше, чем ты сможешь употребить себе во благо, всё равно ты, по натуре своей, будешь недовольна этим миром и вряд ли станешь счастливее. И меня, между прочим, ты держишь и терпишь не по любви, а как переходный вариант – до той поры, пока не явился твой *настоящий прынец*». И он приходил к ней раз в неделю (в основном, когда сын её уходил в ночную смену) и старался быть лояльным... Короче, жил себе сносно и в ус не дул. То есть об интрижках, тем паче с молоденькими барышнями, не помышлял уж так сильно, как принято поминать сие в народном фольклоре: дескать, седина в бороду – бес в ребро. Увы, не всякий мужик способен похвастать этакой прытью. Есть, знаете ли, некая уравновешенность в той же самой природе, есть... а лучше сказать: есть бабы умные, а есть... то же самое, и у мужиков, впрочем. Был ли наш герой умён, нормальный вопрос? Возможно. Заметим только: не был он совсем уж и прост – горазд иногда был разыграть из себя простачка: меньше спрос, а тем более с устатку – кем только не прикинешься, лишь бы выпутаться из какой-нибудь передраги. Ну а на самом деле служил он в серьёзном учреждении, имел степень даже учёную. Но вот именно: коси под дурачка, коль не совсем дурак. По нашей жизни оно и спокойнее выйдет. Впрочем, опять же к слову: на трезвую голову оно бы и совсем не так, скорее всего, рассуждалось...

Но потому, знать, и общался наш Вадим Палыч с девчонкой именно таким вот макаром, что трезвым как стёклышко не был. Как с дочкой, скажем. Жалеючи. Заботливо. Участливо. Э-э, мол, сколько тебе ещё шишек набить предстоит, смазливенькая ты наша, ишь какое добродушие в твоих порывах юных сквозит. И, разумеется, сленг соответственный, на молодёжный жаргон дабы смахивал.

Поразмышляв подобным образом, Вадим Палыч заглянул в вагон, где на ближнем сиденье лицом к тамбуру разместили упавшую женщину. По её разбросанно-неряшливой посадке можно было предположить, что она действительно крепко набралась, но по бледному и обмякшему лицу могло показаться, что и обморок был вполне натуральный: уставший лик, равнодушный до любых внешних проявлений... Этак бывает после бешеных порывов, когда думаешь: ну чего это я мельтешил?... мелочь всё, чуть не сдох из-за пустейшего пустяка.

– Н-да, – сказал уже вслух, – может, и впрямь день неблагоприятный... У меня календарик есть. – И, сунув руку в карман якобы в поиске, глянул на девчонку: внимает ли? – Или диабет. Такая полная женщина... толстушка, центнера полтора, не меньше. Вполне мог удар хватить от перегрузок. – И Вадим Палыч подмигнул: – А я поначалу, признаться, разозлился.

Барышня отвлеклась от своих соображений и взглянула внимательней и с укоризной как бы, оттого Вадим Палыч поспешил разъяснить:

– Да! Знаете ли, второй уж день от баб страдаю. Вчера, например, с третьего пути отправляли... на нашей станции, я имею в виду. Первые два ремонтируют. Шпалы, кажись, меняют. Ну. И соорудили две приступочки из досок. А народ, как обычно, волнуется – не успеть. Я-то, что ж, уцепился за поручни и вспрыгнул с полотна, с земли то есть. А тут баба за мной, кило опять же на двести да сумками наперевес. Ой, сынок, пособи. Сынка нашла! Ну, я и пособил. Поясницу сорвал по её милости. И сейчас, когда э-эта бабища ввалилась, я и взвыл... мысленно, конечно. Тебя только на мою... поясницу не хватало. Такие вот дела. – И Вадим Палыч поцокал языком: – А вот и твоя станция... готовься.

Электричка стала замедлять ход, пассажиры в вагоне повскакивали с мест и Вадим Палыч зорко приценился к выходящим:

– Вон за той мадамой чернявенькой держись – у неё и спросишь.

Девчонка козочкой соскочила на перрон и обернулась – с неким ожиданием, как показалось Вадим Палычу, во взоре.

– Счастливо, – помахал он ей, и она сразу кинулась к мадам, на которую ей указал попутчик, и Вадим Палыч понял, что ошибся в выборе: мадам засылала девчонку своим указующим перстом совсем не в ту сторону – как раз через неосвещённые пути в противоположной стороне платформы. «Зараза! Не знаешь – молчи! Вредительница, едрёна вошь!»

Девчонка дёрнулась туда-сюда и замерла в раздумье.

Двери съехались, чуть не прищемив Вадим Палычу лицо, он выругался и неожиданно посмотрел на стоп-кран, и в следующее мгновение повернул его книзу. Шипение и резкий голос в динамике:

– Закрой тормоз, придурок! Всё равно не выпущу! По твоей милости торчать будем! Все слышат? По его милости!

Вадим Палыч метнулся в вагон, надавил кнопку переговорника:

– Открой, браток, прошу!

– Я те открою! Я щас приду, подожди! Наряд милиции, пройдите по вагонам! За что вам деньги платят?!

Вадим Палыч скоренько переместился в соседний тамбур.

«Ну и чего бы я сказал ей? – размышлял он чуть погодя, закуривая. – Поехали-де со мной?... Утром воротишься?..»

– Да ну вас... всех! А баб в особенности! (Бабаб! – репертуар приятеля Вени не отпускал и тут, рефреном следуя основной мысли.) Самому б в живых остаться...

Однако до самой своей станции пытался Вадим Палыч угадать, какой бы ответ она ему выдала. Сойдя на платформу, потоптался, пропуская вперёд шибко спешащих, после чего, убедившись, что на углу здания вокзала не пасут линейные милиционеры («Уж больно вы наловчились вылавливать... поддатых чтоб и одет прилично...»), направился в буфет.

– Это дело надо загасить пивком. А как же. Чтоб усы не топорщились.

– Да ла-адно, – сказал себе, уже выпив половину кружки, – моя баба тоже ничего.

Но про себя этак осторожно и с недоумением даже прикинул: а рассчитывал ли он, вообще говоря, на что-то – ну так, отвлечённо если, в принципе? – или всё же действительно забеспокоился о живой и неопытной душе?

– Тьфу ты, какая там, к чёрту, неопытная! Душа! Душа им покоя не даёт! Им не душа, а нечто другое треба, да!

– Это ты прав! На все сто! – откликнулся мужик с соседнего стола и приподнял в знак солидарности свою кружку.

Однако истории этой не суждено было закончиться столь пресно и невыразительно. К сожалению или к счастью – подождём...

Когда Вадим Палыч явился наконец домой, он уже не ощущал свои ноги твёрдо попирающими землю – груз пива давал себя знать. Ну, это понятно. Понятно, что и голова соображала не столь блестяще... Резонно также будет заметить, что наслоение алкоголя на простуду (помните озноб, каковой он засёк утром на работе при перетаскивании мебели?) даёт иной раз довольно-таки шизофренический оттенок, чего, собственно, и опасался Вадим Палыч, когда ещё на работе обратил внимание на чрезмерную потливость и слабость в коленках... (тьфу, повторяюсь!)

И тут этот телефон – ох, не любил он поздних звонков!.. Но трубку взял.

– Я по объявлению, – сказал знакомый голос будто бы (быть может, оттого, что за мембраной трепетал ещё какой-то посторонний фон? Не будем всё подряд сваливать на шизофрению).

Вадим Палыч напряг память: «Объявление, объявление... объявление?.. Какое объявление?»

– Ну? – Ему вдруг стало любопытно узнать, какое он мог бы дать объявление и куда.

– По поводу знакомства.

– А-а!.. Понял. Это не ко мне. Вот завтра будет матушка моя – это она племянника женить хочет. Ей звоните. Она вам всё расскажет, и у вас всё обязательно выпросит – ей точно интересно. Так что готовьтесь. А я... я, собственно, не в курсе.

– И телефона не знаете своего племянника?

– Ну почему, знаю, только мне он, сами понимаете, не племянник, а двоюродный брат, – и Вадим Палыч назвал номер.

Только он примостился на кухне поклевать чего-нито на сон грядущий и, помышляя при этом тяпнуть для полной лакировки желудка и психики стопарик перцовки («лечебного пойла»), как вновь зазвонил телефон.

– Привет! – Он был в полной уверенности, что это Гертруда (ну та самая женщина, о которой мы уже мельком упоминали).

– Знакомый голос, – донеслось ему в ответ.

– Ещё бы не знакомый! – воскликнул он и принялся уверять, что всё-всё он помнит, но просто припозднился с работы – там, видишь ли, ремонт и прочее... И так оправдывался минуту-другую, при этом всё больше и больше удивляясь, что ответы сожительницы несколько странны. Стоп, сказал себе, наконец. И в трубку:

– Вы кто, собственно?! – Конечно, будь он трезв, он бы выразился куда аккуратнее, интеллигентнее, но в эту минуту у него пошло, к тому же, некое смещение в голове: даже при полном здравии, согласитесь, бывает такое, когда человек обнаруживает, что находится несколько в иной плоскости общения, чем предполагал до этого.

– Я вам недавно звонила по поводу знакомства.

– А-а!.. И что?

– Мне не понравилось.

– Что не понравилось?

– Голос вашего племянника.

– Он мне не племянник, а двоюродный брат, сколько можно повторять... – и спохватился: зачем он это говорит? – Подожди-ите, сударыня, я-то тут при чём?! Не понравился один голос, ищите другой.

– Мне ваш понравился.

Вадим Палыч отнял трубку от уха и посмотрел на неё, как на предмет, который выкинул номер, ему несвойственный и, стало быть, не ожидаемый.

– Позво-ольте! – рявкнул он и сам спохватился – это опять чересчур резко.

– Нет-нет, я вас не разыгрываю. Но дело даже не в этом...

– Ну и в чём... в чём? Говорите поскорей, и покончим... – оставленная на столе рюмка обожгла ему память и вызвала приступ раздражения.

– Мне в самом деле почудилось, что мы знакомы... и голос... вот...

Вадим Палыч опять посмотрел на трубку с укоризной – может, её попросту положить на аппарат и вся недолга?

– Послушайте, что вы хотите? Только вкратце. В самом деле, это слишком утомительно!.. на сон грядущий.

«Тьфу!»

Голос стал излагать какую-то... чушь – не чушь, но близко к этому, и Вадим Палыч шмякнул-таки трубку на её законное место. Идя на кухню, он глянул на себя в коридорное зеркало, и не понял: какое у него лицо. Досадливо-брезгливое – да, растерянное – нет... но какой-то оттенок обескураженности присутствовал. Так и не сообразив, он поправил свалывшиеся под кепкой волосы, которые обычно расчёсывал, заходя в квартиру (сегодня вот позабыл), и – взял рюмку...

От звонка он чуть не подпрыгнул, едва не расплескав *лечебное пойло*, потом два раза вдохнул и выдохнул через нос и выпил. И только после этого, прищемив-прижегши сорокоградусной неудовольствие в самом зародыше, пошёл в комнату.

– А теперь чего? – уже не сдерживаясь, ехидно поинтересовался он, и включив динамик. – Чего молчите? Излагайте! И прошу: по делу, только по делу! *Дело* говорите!

Динамик молчал. Вадим Палыч в сердцах переключился на трубку:

– Ну! Так слышнее?

Голос Гертруды заставил Вадим Палыча вновь пережить состояние близкое к смещению сознания. Он некоторое время слушал выговор своей гражданской жены и затем стал торопливо и сбивчиво объяснять, что произошло недоразумение – словом, пересказывать то, что мы уже знаем, – но довольно сбивчиво и неубедительно, отчего, возможно, связь вскоре прервалась.

Вадим Палыч погладил себя по голове, соображая, надо ему перезванивать или обождать до утра и решил, не без сомнений, что всё же лучше – не сейчас...

«Ох уж эти бао-бабы...»

Утром он, однако, чувствовал себя достаточно хорошо, успел и душ принять, и кофе выпить, и вспоминал вчерашний день – именно как вчерашний: ну его, чего только не приключится. Да и ничего особенного, собственно – небольшая заморочка, не более того.

Звонок в дверь, он открывает – на пороге *свежезнакомая* мадмуазель... Да, он сразу её вспомнил и подумал, что, видимо, вчера в вагоне что-нибудь обронил и вот теперь эта девочка, неизвестно как, правда, разыскавшая его (хотя сейчас для молодых-интернетных нет ничего невозможного), хочет ему вернуть... Жестом он пригласил её войти.

– Итак, мадмуазель?

– А вы разве не предложите мне раздеться?

– У-уп, уп... пардон. Конечно, конечно.

И уже в комнате, с насмешливой улыбочкой: дескать, те пустяки, которые для меня пустяки, для вас могут иметь значение... пока вы молоды.

– Кофе я уже пил, но... если вам... Угодно меня поэксплуатировать?

Короче, прозрачный намёк.

– Вы меня не помните?

– Отчего ж. Вчера мы вместе ехали в тамбуре и... тётку какую-то...

– А ещё?

– Как?.. Неужели это вы звонили вечером... насчёт племянника?..

– Он ещё, на самом деле, ваш братец.

И для Вадим Палыча девушка в электричке и звонившая по объявлению слились в одно лицо. Справедливости ради, заметим, что сегодняшнее соединение *плоскостей* общения произошло почти безболезненно. Вадим Палыч произнёс лишь «хм». На что девушка поспешила отреагировать:

– Нет-нет, вы загляните ещё раньше... на несколько годочков.

Это уже пахивало мистикой (или шантаж?), но Вадим Палыч отчасти привык к подобным делам, постоянно общаясь с молодёжью, отчасти же он был слегка заинтригован... а любопытство порой способно подавить другие эмоции лучше всякого окрика-угрозы – такие, как раздражение, например, или негодование...

И вот – да, представьте себе! – он вынужден был (а его принудили, по сути) вспомнить: эту девочку он, действительно, когда-то...

О-о, бэм-бэм-бэм... Память иной раз способна прочиститься в долю секунды – решительно-положительно!

Он знал эту девочку уже лет десять...

Ему всегда казалось, что у таких красавиц не бывает проблем... ну, типа наличия обожателей-поклонников... н-да.

Действительно, красивая... обаятельной красотой, тёплой, доступной как бы... в смысле притягивающей, а не цепящей, заставляющей робеть... шаловливая, с рассыпчатым смехом дитя...

Обратил он внимание на неё в парке, где присел на скамейку с выгнутой спинкой просмотреть газету. Стайка учениц-первоклашек кружилась неподалёку. Именно кружилась, именно как облачко весенних бабочек на солнцепёке. Порхали друг за дружкой, заливались, щебетали (хоть это на птичек больше похоже), проказили. Вдруг одна присела, закрыв ладошками личико, зарыдала отчаянно-противно, так что Вадим Палычу тут же захотелось вскочить и уйти подальше, настолько этот вопль не был похож на детский плач. Скорее – на каприз испорченной бабёнки. Подружки столпились вокруг неё, одни утешали, а кто-то выговаривал:

– Вечно ты, Натка, представляешься! Ну, нечаянно я тебя... Не нарочно же. Покажи! Покажи, чего закрываешь? Ничего там нету! Прикидчица!

Одна же девчушка присела рядышком с обиженной Наткой, погладила её по голове, затем осторожно отняла её ладошки от лица и стала дуть в мокрые сожмуренные ресницы. Приговаривая:

– Ветер-ветер-ветерок, высуши наши слёзки...

Этой утешительницей и была Верочка.

С того дня она стала попадаться Вадим Палычу на глаза (видимо, сознание, зафиксировав её однажды, стало выделять из...), не так чтобы очень часто, даже скорее – не очень, так как с каждой встречей она казалась ему взрослее прежнего. Однако эта её весёлость, благожелательная расположенность к жизни, непосредственность, чуткость... да, всё это угадывалось в чертах её милого лица, плавно-округлых жестах, приятно радующих слух интонациях отрочески-ломкого сопрано – в общезначимом каком-то житейском контексте... Не должен, думалось ему, быть обделён такой вот солнечный человечек дружеским вниманием, удачей, любовью, наконец. Уж так, думалось ему, что на роду у человечка записано: быть ему счастливым, интересно существовать, иметь любимых и быть любимым... потому что это высшая стадия человеческого развития психически полноценного существа. Таким даже позавидовать удаётся без зависти... как-то вот так, и не выразишь точнее. Они, такие, предназначены напоминать окружающим, что не всё так плохо в этом мире, не надо, мол, отчаиваться, и тебе улыбнётся судьба... Банально, конечно. Но этакая истома в голове, этакая блаженность... что и в самом

деле оглянется ушибленный человек, поднимет глаза к небу, вздохнёт освобождено и скажет себе: ладно, повременим с выводами, есть ещё запас жизнелюбия.

Однако вскоре он её позабыл, потому что переехал в другую часть города.

И однажды – мы всё ещё говорим о прошлом – случилось вот что. Вадим Палыч сидел за столиком у кафе и чирикал в блокноте некоторые каракули, когда к нему подошла девочка-подросток и сказала:

– Здравствуй.

– Привет.

– Мне сегодня исполнилось одиннадцать.

– Поздравляю.

– Ты возьмёшь меня замуж?

Вадим Паныч посмотрел на девчущку, надул щёки и – само собой – согласился:

– Возьму. Конечно. Лет этак через семь.

– Хорошо. Ты не забудешь?

– Ну... главное, чтоб ты не позабыла.

– А тебе сколько?

– Лет? Сорок два.

– Склероза нет?

Он рассмеялся:

– Я не забуду, не волнуйся.

– Верунчик! – позвала девочку мать. – За мной, шагом марш!

– Ну, пока?

– Покеда.

– До встречи.

– Будем надеяться.

Вадим Палыч улыбнулся вслед. Она обернулась, звонко крикнула:

– Так не забудь.

– Ну что ты, как можно...

И спохватился: «Верунчик? О Боже! Неужели?.. Вот те ра-аз...»

И хотя такой разговор, прямо скажем, из ряда вон, но вот, пойдешь ты, состоялся – незатейливый и одновременно *судьбоносный* (надеюсь, не только политики вправе употреблять это слово). И Вадим Палыч (чутьё порой изменяет даже самым талантливым педагогам) отнёсся к этому неожиданному разговору (и обещанию) так, как, собственно, любой взрослый человек отнёсся бы к лепету ребёнка. Тем более, мамаша девочки выглядела ещё ох как привлекательно. Так почему бы не попытаться – и пусть даже через дочку Верочку – произвести впечатление, а то и завести пикантное знакомство. Но... на нет и суда нет. Мамаша, знать, деловая и занятая дама, чтобы размениваться на случайные знакомства. А разговор-чик, что ж, он и есть разговор-чик. Кто и когда придавал значение необязательному, мимолётному общению. Впрочем... Вадим Паныч не числился в анахоретах, и студентки с его факультета, где он преподавал, нет-нет да и вводили его в мирской грех. Но это к слову. Что же касается продолжения с Верунчиком, то... вот вам и продолжение. И какое! Как это он только вчера не признал её – в электричке? П-фи! Не понятно!..

Вадим Паныч смотрит на Веру, сидящую перед ним в кресле и, в свою очередь, разглядывающую стеллажи с книгами по истории и философии, и думает не то чтоб суетно и волнуясь, а с некоторым прохладно-враждебным недоумением застигнутого врасплох человека, наподобие: она что, не знает, кто я такой, не знает, что я таких... но, собственно, чего это мы, Вадим Палыч, ударились в догадки, ты же этих девчонок насквозь видишь. Давай просто спросим и послушаем, а потом вытурим взащей. То, что имело место в прошлом, не обязательно

в настоящем. Категорично? Пусть! Вы, новое поколение, такие раскрепощённые, право, без комплексов, но и мы ещё тоже, знаете ли... Нет, он бы её выгнал уже давно... хотя бы за столь продолжительное (невежливое?) молчание, но... перед ним действительно та женская порода, которая нравится ему всего больше... приятный ненавязчивый и не кокетливый взгляд серых глаз, улыбочивый рот, изящный овал лица...

– Итак, чем могу?..

– Я насчёт замужества.

– ?

То бишь сказать, похоже, нам, Вадим Палыч, и нечего – на вскидку, по крайней мере? Вот вы сидели друг против друга и, оказывается, думали об одном и том же... Или всё же не совсем о том?

– У меня завтра свадьба.

– А-а... понял.

«Слава те Господи! О том... о том, да не совсем. Хоть это успокаивает».

– Ну а я, извините, причём?

– Но именно сегодня... нет, вчера, когда мы с вами тётю в вагоне поднимали, я вспомнила... – И, потупив взор: – Ты обещал на мне жениться.

«Так-так!..» – Вадим Палыч откидывается на спинку кресла. – «А больше вам ничего не надо?.. уж сразу, до кучи».

Его молчание расценивается следующим образом:

– Это хорошо: с памятью у тебя всё в порядке.

«Пресечь это панибратство, понимаешь! Немедленно! И выгнать!.. Но это, пожалуй, паника». Вместо этого спрашивает:

– Хорошо? Ты сказала: *хорошо*? Чего же хорошего-то?.. А как же свадьба? Завтра, ты сказала.

– Теперь это меня не волнует. Разве что моего жениха...

И здесь – вообразите себе такую картинку – в квартиру входит мать Вадим Паныча, Марья Васильевна, женщина уже пожилая, но из тех, кто до самой старости выглядит барственно, вследствие природной осанки, язвительного ума и умения себя держать при любых невзгодах и обстоятельствах... Нет, конечно, ничего особенного – не в первый раз она застаёт своего великовозрастного сына в обществе студенток, которые являются сдавать зачёт или хотя бы договориться о побрякушках. Просто на этот раз Вадим Палыч смущён и это его натуральное смущение Марья Васильевна замечает. А помимо этого вскоре звонит Гертруда и Марья Васильевна о чём-то с ней долго и обстоятельно беседует, и Вадим Паныч понимает, что обсуждают его, потому как мелькают такие обороты: «завихрение в мозгах», «очередная блажь», «выволочка», «он у нас запоёт» и т. д.

– О чём это я запою? – интересуется он как бы между прочим, когда спрашивает, наконец, Верочку за дверь.

– А то я не слышу, о чём вы тут воркуете!

– Мамуль, ты что, в своём уме?

– Я-то в своём, а вот ты... На старости лет хвостом крутить!. Одна тебя бросила, вторую ты сам хочешь отшить... А эта вертихвостка молоденькая!.. Нужен ты ей, как же! Сдаст свои экзамены и прощайте? А ты опять останешься один? Мне уж скоро в гроб ложиться, а ты мне тут преподносишь... очередной подарок?

– Да вы в самом деле чокнулись, маманя. С Гертрудой заодно. На пару оно веселее, я понимаю.

– А вот это ты расскажешь ей лично.

Вадим Палыч развернулся и ушёл в свою комнату. А вскоре пришла и Гертруда. Приличная бабёнка, но уж очень суматошная... так что как-то и нет охоты присутствовать при выяснении... и, пожалуй, тут мы с вами перескочим на несколько дней вперёд... Ну да, к более существенному, поскольку ну что может происходить между мужчиной и женщиной, чего мы не знаем? Тем более, с женой, хоть и гражданской.

И всё же почему, почему? – некоторым ещё не надоели сцены ревности и прочие аксессуары семейной жизни. Ну, хорошо, уступим слегка. Во-первых, должна же остаться некая тайна, которая будет держать в напряжении ваше внимание. Во-вторых, искущённому читателю не обязательно излагать общеизвестные прописи, он и без нас сам-сусам... В-третьих, совсем уж искущённый... Кроме того, мы ведь заняты не трактатом, где последовательность мотивировок непреложно обязательна. То есть надо же оставить место для экспромта. Вдруг мы и сами не знаем...

И вот сидит наш Вадим Палыч уже в знакомом нам кафе и выясняет отношения (опять выяснения и куда от них деться?) с Верочкиной мамашей, Жанной Викторовной (хотя сказать *мамаша* – чересчур сильно: молодая ещё особа, да вы, наверно, помните: она как-то мелькнула у нас перед глазами):

– Зачем вам эта соплюшка, дорогой вы наш проф-фэсор?... К тому же, у неё жених... из новых... В финансовом плане вряд ли вам потянутся с ним.

– А если это мой шанс? Последний и решительный...

– Да ну, какой шанс, бросьте. Вы хоть и профессор, но содержать эту взбалмошную девчонку вам не по карману, поверьте. Вам больше подошла бы я. Мне тридцать семь. И я уже давно перебесилась. К тому же самостоятельна... в том самом отношении.

– Вы себя предлагаете – всерьёз?

– А почему бы нет? Я свободна.

– Не есть ли это манёвр? Защитить таким способом свою дочь? А потом – до свидания? Адью? После скандала?

– Вы торгуетесь?

– Почему бы и нет? Мы взрослые люди, Жанна Викторовна. Верунчик мне больше по сердцу. Из неё ещё возможно что-то слепить для себя подходящее. Из вас – сомневаюсь, вы сами уже лепить и ваять предпочитаете.

– Больше? Значит, выбор налицо. Вы её не любите. Так.

– Ошибаетесь. Я от неё без ума. Хотя и, в силу своего возраста, не чураюсь практических соображений. Её не испорченность, податливость к альтруизму – залог моего счастья. Пусть недолгого, но...

– Экие словечки употребляете забавные, Вадим...

– Ну, как вы тут, договорились? – это, разумеется, за столик подсаживается Вера.

– Не совсем, – раздумчиво произносит Жанна Викторовна.

И буквально в следующую минуту:

– День добрый!

А вот это для Вадим Палыча поворот, похоже, опять неожиданный, не просчитанный – ай-яй-яй, профессор, негоже садиться в лужу при столь несложном уравнении: к столику подходит молодой человек. Положение становится затруднительным... Вадим Палыч с тревогой смотрит на Верочку, но мы пока не знаем, какой именно немой вопрос мелькает в его глазах (помните, мы пропустили пару эпизодов – последние несколько минут разговора Вадим Палыча с Верой и затем – с Гертрудой), да и Вера также слегка растеряна. Или нет, не растеряна?

– Познакомьтесь, – берёт инициативу в свои холёные ручки Жанна Викторовна. – Вадим Палыч. Сергей. Верунчика ты знаешь – всё ж таки твоя невеста. Пока что.

Сергей протягивает руку и как бы *зависает*... ну то есть спохватывается и глядит на Жанну Викторовну: что, мол, означает *пока что*?

Вадим Палыч пожимает крепкую ладонь атлета, при этом думает: «Футболист или каратист?» Рассматривает скуластое симпатичное лицо, встречается со спокойными глазами.

– Вы спортсмен?

– Шахматы.

«Уже легче», – и Вадим Палыч переводит взгляд на Веру, говорит:

– Логика и натиск импонировали мне всегда.

– Мне тоже.

– Вы о чём? – спрашивает Сергей.

– О свадьбе, – поясняет Жанна Викторовна.

– Да? Надеюсь, о нашей с тобой? – поворот головы в сторону Веры.

– Уже нет, – деланно вздыхает Жанна Викторовна.

– То есть?

– Семь лет назад они, видишь ли, заключили договор, – Жанна Викторовна произносит это таким тоном, что понять в точности её интонацию невозможно. – Договор очень оригинальный – пожениться.

Сергей слегка приоткрывает рот и, похоже на то, подсчитывает в уме:

– Семь лет назад? Ты серьёзно? Или опять фокусы? – спрашивает молодой человек, но смотрит не на невесту, а на Вадим Палыча с надеждой, что хотя бы он улыбнётся, затем заметным усилием смещает своё внимание на Веру: – Серьёзно?..

Вадим Палыч наблюдает за мизансценой и лихорадочно размышляет: чем может закончиться сия «шахматная» партия? Отвечает за всех, так как вопрос Сергея выносился как бы к широкой общественности:

– Поглядим – увидим.

– Вы с ума сошли – оба?! Второй жених тут лишний!..

Сергей неожиданно хватается *лишнего* за галстук левой рукой, а правую заносит... Верочка тут же цепляется и виснет на руке шахматиста. Жанна Викторовна (надо полагать, нечаянно) выплёскивает на сцепившихся свой бокал вина... Отлетают стулья, переворачивается стол, визг, гвалт... Вера кричит:

– Стойте, стойте, я вам всё расскажу! Я вас обманула!

Помаленьку всё успокоилось, все рассаживаются, как прежде. Вадим Палыч поправляет галстук, смахивает с лацкана пиджака капли белого – и то слава Богу, что не красного – вина, делает знак официантам: всё нормально – всего лишь недоразумение. Сергей же продолжает катать желваки на своих крутых раздуманных скулах, пышет огнём глаз то на Жанну Викторовну, то на Верочку:

– Что расскажешь?! Расска-азывай давай!

И Верочка сообщает – очень деловито, спокойно, с достоинством:

– Я попросила Вадим Паныча подыграть мне...

– Что?

– Ну ты послушай. Разве не ты первый дал повод к ревности? Вот поэтому... я решила проверить: по-настоящему ты любишь меня или нет... Вот и всё, вот и всё.

– Да? – Сергей поворачивается к *лишнему жениху*. Вадим Палыч, покусывая губу, согласно кивает, про себя же думает: «Интересно бы наверняка знать, всегда ли я буду таким дремучим дурнем?..» – что он имеет в виду, мы, признаться, не догадываемся.

Вечером Вадим Палыч звонит своему приятелю Вене (нам он уже знаком, не так ли, по многочисленным цитатам) и договаривается о встрече в пивной.

И вот они сидят уже за третьей или четвёртой «порцией» и разговор их уже катится без запинок.

– Знаешь, брат, я тут впелся в историю. У-у-у! И сам не пойму, с какого рожна.

– Да уж слышаны.

– Это от кого?

– Сорока на хвосте... Стулья поменьше ломали б в местах общественных.

– Не может быть. Это ж только-только... Да-а! И что теперь делать? Моя Гертруда...

– Да брось ты. И ничего-ничегошеньки не делай. Сами разберутся. Им в аппетит. Это ж бабы. Бао-бабы – питоны-тритоны-удавы. Главное, не мешать им... не то проглотят в запале. Тебе это надо?

– Хочешь сказать, зря я тебя напрягаю?

– Ну почему. Напротив, разумею так, что лучше все эти дела проговорить вслух, чем будут они трепыхаться в Пучин-ни подсознания.

– Да, ты прав. Но самое интересное вот ведь в чём.

– И в чём же, брат ты мой, и в чём?

– Понимаешь, я думал... игра-игрой... – Вадим Палыч облизал губы и как бы решился: – Я думал, она выберет меня.

– Что? Не понял. Ты хочешь сказать, что не был в курсе её плана?

– Да был я, был в курсе её плана!

– Ну ты авангардист! – И крепыш Веня начинает беззвучно закатываться смехом. – Фу ты – ну ты – вольтануты. Ну ладно кто-то там, невзрачный в смысле интеллекта, но ты, учёный муж!.. Педагог-психолог! Они, эти ребятки, насмотрелись «Окон»¹ и бредят теперь исключительно штучками-дрючками. Ты для них кукла тряпичная, крепдешиновая. Поиграют тобой в сласть и кинут на капот устаревшей иномарки.

– Не понял, при чём тут иномарка?

– Сленг такой... ихний.

– Да брось ты. Вера... такая чистая. Кристально.

– Ой-ёй-ё-йое! Ты ещё поплачь от умиления. Пусти мир-ровоз-зренческую слякоть из глаз своих, подёрнутых морщинками. Сегодня она такая, а завтра о ней сам же и скажешь: с такой сучкой надо встречаться исключительно перед случкой, ну и в день полочки, конечно, да и то деньги в форточку с осторожностью, не то пальцы откусит. Нет разве? Тут, братка мой, всегда нужно помнить и различать: одни особи на самом деле учатся на чужих ошибках, а другие, наоборот, подражать начинают всякой всячине, мартышничать. Вот и Верунчик твой... соблазнилась. Как она ещё на телевидение тебя не вытащила – в какое-нибудь шоу, наподобие «Семейное лоно». Ну всё, ладно, не горюй, переболеешь. Помнишь мой афоризм: «Привязанность разрушается долгим отсутствием присутствия». Классика! Почему не слышно аплодисментов?

– Ты считаешь? – Вадим Палыч тоже начинает уже победно посматривать на окружающий его забулдыжный ландшафт пивной. И Веня, круглолицый и плюгавый мужик, улыбается, что тебе психотерапевт за хорошие деньги...

– Ну ладно, – и Вадим Палыч ковыряет мизинцем в ухе. – Ещё, что ль, по кружечке?

– А где наша не пропадала!

С неделю, примерно, Вадим Палыч приходил в *чувство*, наслаждался *прежним благополучием и благоденствием*: мать и Гертруда разговаривали с ним сладкими голосами, точно с тяжелобольным, отчего ему постоянно хотелось зевнуть, – пока...

Пока не позвонила Верунчик.

¹ Телешоу.

- Не понял, – удивился Вадим Палыч.
- А чего не понять? Я просто испугалась.
- Чего?
- Что Сергей тебя покалечит.
- И что изменилось теперь?
- Я объяснилась с ним... сама. Надо встретиться.
- «Ну и когда ты говоришь правду и когда врёшь?» – подумал Вадим Палыч.
- Но что же теперь ему делать?
- Увы, мы также не знаем.
- Так что придётся опять подождать. Пока действительность не преобразуется в историю...

Фокус

Едва Семён Данилыч, положительной наружности, спокойный, рассудительный мужчина сорока двух лет, кандидат наук, кстати, переступил сегодня вечером порог своей квартиры, его жена – не в пример мужу, решительная, категоричная и по-своему интересная особа, – выйдя навстречу, молча, то есть без всякого предупреждения, запустила ему в лицо неким пластмассовым предметом. Семён Данилыч ошеломлённо вскрикнул:

– Т-ты ч-что, Тась, офонарела?! – явно употребив чужеродный для себя глагол – очевидно, вследствие крайнего удивления. Но Тася, женщина, ко всему прочему, гордая, ответом его не удостоила, лишь тихим ненавидящим голосом процедила:

– Чтоб тебе всё, паскудник, оторвали между ног! – И удалилась в комнату, захлопнув за собой дверь. Иной раз стоит совершить нечто даже безобразное – лишь бы иметь возможность увидеть такую мизансцену: только женщина может так уйти – всего одно мгновение, резкий поворот, разгневанный взгляд, чуть ли не испепеляющий до подошв, сноп искр по синему воздуху разлетится от метнувшихся с затылка на лицо потерявших заколку волос...

В полном недоумении, ошарашенный, оглоушенный или, как сказали бы теперь, в отпаде – Семён Данилыч потоптался перед вешалкой, чувствуя, как тяжесть нешуточной угрозы неизвестных пока ему неприятностей начинает стеснять его дыхание и сдавливать виски. Затем, сняв пальто, шапку и разувшись, в носках (какие там шлёпанцы – их же надо искать!) прошёл в ванную комнату. У зеркала промыл рассечённую бровь, прижёт ранку одеколоном. Минуты две разглядывал своё окоченевшее в скептической гримасе лицо.

– Н-да, – произнёс он, пытаясь поймать хоть какую-нибудь мысль, пригодную для объяснения ситуации, но – тщетно. Разгадка если и существовала, то где-то вне пределов его обескураженного сознания.

В прихожей он чуть не наступил на видеокассету, которой его травмировали и физически и морально, поднял её, повертел так и этак, однако никакой наклейки с надписью не обнаружил. Тогда он отправился в комнату сына (ещё не вернувшегося из института), сунул кассету в гнездо видеомагнитофона и запустил просмотр.

То, что ему предложил неизвестный и непрофессиональный оператор, превзошло его лихорадочное воображение (а рисовался ему пошлый разврат, который он, отец, якобы подсунул сыну, за что и выражено ему импульсивной супругой осуждение известным способом).

Перед ним возник... он сам. Ну да, собственной персоной. Какая-то пьяненькая девчонка висла у него на шее, и он, не очень-то уклоняясь от её поцелуев, бормотал что-то, хихикал, жестикулировал, будучи явно нетрезвым, а точнее сказать – пьяным.

Кино крутилось дальше, уже ничего не изображая, кроме рваных чёрных молний, а он, приоткрыв рот и незаметно для себя встав перед экраном на колени, ощущал попеременно то стылый холод, пробегающий по спине, то внезапный колючий жар приливавшей к щекам крови.

– Что за бред! – наконец пролепетал он одеревеневшими губами и задрожавшими пальцами стал тыкать в кнопки, желая заново посмотреть плёнку. – Не!.. Ну!.. Слов нет!

Однако ничего, к сожалению, не изменилось. То был он, несомненно – он. И, похоже, это не монтаж (в этом он слегка разбирался). Но тогда что это?! Что прикажете думать?!

– Что это такое?! – спросил он сам себя. – Я ничего подобного не совершал! Этого не было! Не было! Ну не было же! Чёрт! – Он, как бы извиняясь перед кем-то, развёл руки ладонями вверх и пожал плечами. И эта его поза – на коленях да с простёртыми дланями – имела сходство с молящимся перед образом. Ощувив комичность своего положения, он переменял позу, затем сел, почесал в затылке (хотя раньше такого жеста в его арсенале телодвижений не наблюдалось), и пустил *фильму* ещё раз.

И тут внезапно он успокоился и стал смотреть видеозапись с каким-то даже жёстким прищуром – цепко фиксируя каждое движение и каждый звук. Ему пришла мысль, что у него есть двойник («В натуре! Чёрт подери!»). Были ж двойники у других людей, ну хотя бы у тех же президентов. Чем он хуже? И у него, стало быть... и у него, так получается! Правда, сие предположение вряд ли стодится для объяснений с женой...

Однако поскольку он раза два всего, да и то мельком, видел себя *закадренным*, то ничего определённого относительно подлинности мелькавшей на экране своей физиономии, сказать себе не смог. Во-первых, запись длилась всего несколько секунд, во-вторых, сделана была при плохом освещении. Блики и тени съедали то ухо, то нос...

– Тьфу на вас да и только! Эт-то какой-то бред! Эт-то бред! Бред! Бред! И ещё раз бред! Не было ничего! Не было ничего подобного! Это какой-то фокус! Это... извините, не знаю, что такое... Я н-не знаю!

Ночью, ворочаясь на диване, слыша посапывание сына из соседней комнаты и напряжённую тишину из другой, где почивала или затаилась его вспыльчивая Тася, он размышлял о том дурацком положении, каковое, как ни напрягался он, оставалось для него совершенно непонятным, неуяснимым. И, в конце концов, он заснул, обессилев в бесплодном поиске ключа к повергшей его в оторопь загадке. Что там ни говори и как не думай, но необъяснимость происхождения *вещественного доказательства* (в виде кассеты) его супружеской неверности заставляла усомниться в собственном психическом здоровье. И ничего лучшего, кроме как сказать себе *утро вечера мудренее* не оставалось.

Спалось, однако, ему тревожно. И снов-то, собственно, он не видел, но что-то... некое предощущение как бы, какая-то возня не сформировавшихся образов постоянно томили, беспокоили, к чему-то вроде подталкивали... Он открыл глаза, посмотрел в тёмный потолок и... вспомнил! (Я так полагаю, что не обязательно сравнивать этот миг со вспышкой молнии, но нечто ослепительное – и осветившее и поразившее одновременно – нужно иметь в виду, поскольку прекрасно известно, что озарение – это всё же яркий свет, притом в дебрях замороженного сознания, в каковых оказывается иной раз каждый из смертных.)

Вот он сошёл с электрички. Была уже полночь. На работе он с коллегами выпил и теперь, после часовой дремоты на тёплом сидении, в голове ощущалась тяжесть похмелья. Надо бы освежиться, решил он, и завернул в магазин при вокзальном ресторане под названием «24 часа». Перед этим он выкурил сигарету и его замутило. Он купил бутылку пива и, лишь отпив половину и почувствовав прилив бодрости, осмотрелся. Двое юношей уютно болтали с двумя симпатичными девчонками, соблазняя их выпить водочки. Те модничали и продавщица, также молоденькая девчонка, которой, по-видимому, была скучна, а, возможно, и страшна ночная работа, предлагала то одно, то другое «на закуску», лишь бы посетители подольше не ушли и не оставили её одну.

– Вот возьмите салатец, ребятишки. С таким салатцем кто угодно водочки выпить захочет.

– Да ну? – подыгрывал ей один из пареньков, тогда как другой разливал по пластмассовым стаканчикам и подмигивал мнущимся у столика девчатам.

– Закусон – блеск! Никто не устоит.

– Да-а? Та-ады давай.

Семён Данилыч допил пиво и, чувствуя себя лишним, вышел на улицу. Теперь ему стало значительно лучше. Было в этот поздний час не холодно, и он не спешил, как обычно спешил с электрички к ужину. Прошёл через парк, пересёк улицу, заметил у подъезда девятиэтажки группу ребят, о чём-то весело болтающих, обратил также внимание, что у одной из девиц светится в руках зелёный огонёк, и озадачился: что бы это могло быть? Уже минуя полуночников, он всё пытался разглядеть, что же это за странный огонёк, как вдруг одна девица, а за ней

и другая побежали к нему. Он остановился, удивясь и насторожась – неразлучные всё же эмоции. И вот с огоньком которая, защебетала уже рядом, и Семён Данилыч, наконец, догадался, что в руках у неё видеокамера, и ещё подумал: а можно ли по такой темноте снимать? Вторая же, лепеча совсем что-то невнятное, ухватила «дяденьку» под локоток и чмокнула в щеку.

– Праздник, что ль, какой у нас? – неловко приобнял её Семён Данилыч за плечи.

– Праздник, дяденька, праздник! – кокетливым голоском подтвердила она. – Выпьете с нами? Ну выпейте!

Тут и паренёк очутился рядом с бутылкой, и Семён Данилыч как-то сразу предположил, что надо, пожалуй, линять, так как и другие ребята подтягивались, да и бутылка внушала скорее опасность, нежели... «Вдарят по шарам! – мелькнула мысль. – Ох, вдарят!» И высвободясь из объятий, Семён Данилыч попятился, делая пальцами обеих рук кивающих на прощание гусей и приговаривая:

– Эвон, и ребятки у вас симпатичные, где уж мне уж старику тягаться...

И ушёл. И до самого дома перемальвал: была ли опасность или нет, можно ли было глотнуть из их бутылки или... «Да ладно, – он остановился у своего подъезда и закурил. – Лопают бормотуху всякую... мне б она по печени вдарила. Точно вдарила б...»

«Ну хорошо, – Семён Данилыч сел на своём не очень удобном ложе – сиденье дивана имело чрезмерный наклон к спинке и не располагало поэтому к расслабленности. – А каким же это, простите, способом ваше кино попало в мой дом?» Ничего подходящего на ум не приходило в сидячем положении, и Семён Данилыч опять лёг и заложил руки за голову. Действительно, он не разведчик, не политик, не крутой бизнесмен... кто мог сыграть с ним такую нелепую, злую шутку? Ну кто? Абсурд. Нонсенс.

Ладно. Подойдём тогда с другой стороны. Допустим, одна из девчонок – да-да! – знакома с его сыном... Знакома, и даже, допустим, более того... Что более того? «Что более того?!» Ну да – ну да, нужна чёткость. Поссорились. Она решила отомстить. И тут такой случай... Смекнула, бестия... потому что сообразительная по натуре, авантюристка! «Вот тебе! – это Володьке, сыну. – Ты со мной не хочешь гулять, так я с твоим папашей!» Иначе откуда она знает адрес?! Фу-у-у!..

Семён Данилыч опять сел, взбудораженный ходом своих подозрений.

Или чушь всё это собачья? Тогда что?! Что тогда? Ну?!.

И тут в его памяти возник иной проблеск... Он выехал из гаража на своём мотоцикле с люлькой, притормозил на перекрёстке и, откуда ни возьмись, смазливенькая девчонка вскочила на сиденье за его спиной... Ох уж и везёт ему на молоденьких соплюх. С чего бы они к нему липли? Во всяком случае, он всегда терялся от таких наскоков. Вот и теперь он опешил, не знал, что делать, сказал первое, что прочкнулось в голове:

– Извини... это... без шлема не могу прокатить.

– Ну дяденька, ну дорогой...

А в сторонке ещё три девчонки наострили ушки, распахнули глазки. Может, у них спор какой вышел. И они ждут результата?

– Нет... ну, понимаешь... давай тогда уж я съезжу в гараж, возьму шлем... и всё в порядке, как полагается... А?

– Вы меня не обманываете? Приедете, правда?

– А чего? Почему нет? Какие проблемы?

Она не сразу слезла, ещё подумала, покачалась на пружинном сиденье:

– Ладно, я вам верю. Но, пожалуйста, прошу вас, умоляю... пожалуйста, приезжайте, я буду вон там вас ждать, – она даже ладошки свои с перламутровыми ноготками приложила к груди.

– Замётано, – бодро отреагировал Семён Данилыч и, торопясь включил скорость.

«Да, я не приехал... Но что я, совсем обалдел? С чего бы я поехал? Ехать надо было за картошкой... Я устал, я забы-ыл! Почему? С какой стати? Что за каприз?..»

«Да нет, не то, – сказал он себе через минуту, – тут ты накручиваешь. Ту пигалицу я помню. Ничего общего с этими...»

Семён Данилыч прилёг на правый бок и лежал так некоторое время уже без всяких дум. Ему отчего-то сделалось всё безразлично. И потому безразлично, что явилось понимание... как бы само собой, без всяких усилий с его стороны. А именно: как бы он тут сейчас не тужился в разрешении свалившейся на него задачи, объясниться с женой всё равно не удастся. Ну что ты плетёшь? – скажет она. Да и не скажет она ничего. Она слушать не станет просто. Ну фигня она и есть фигня. Как ты её не расписывай.

И существенный... более существенный вопрос заключается в том... А в чём?..

Ладно, ладно, тихо. По крайней мере, он вспомнил. Он теперь может не сомневаться в своих мозгах. А вот что дальше?..

Семён Данилыч поднялся и пошёл на кухню перекурить. Он вспомнил свою спасительную формулу: утро вечера мудренее. Утром он покажет плёнку сыну, а там... Не будем загадывать. Вишь, как оно бывает. Живёшь, живёшь, примерный семьянин... И нако-ся выкуси! Хоть стой, хоть падай... О-о-о!..

Марина

Солнечно. И скоро – в течение часа точно – станет жарко. Марина стоит с тощим чемоданишком из кожзаменителя у душно пахучего шоссе в ста метрах от автобусной остановки и робко обозначает поднятие руки при виде очередной легковой машины. Она одета, хотя и опрятно, но сразу видно, что бедно: в цветную клетчатую юбку ниже колен, в вязанную белую кофту, обута в коричневые не новые туфли без каблука, так что нитяные того же цвета колготки не особенно бросаются в глаза. Наконец красный «жигулёнок» тормозит и съезжает на обочину, Марина бежит к машине, просительно заглядывает в открытое окно:

– До города добросите?

Мужчина лет пятидесяти кивает и помогает изнутри открыть дверцу.

– Далёко путь держите? – спрашивает он, быстро, но цепко оглядывая пассажирку. Каре-глазая девушка с неброским, но приятным чистеньким личиком ему, очевидно, понравилась. Лишь передние зубки слегка портят впечатление. И он игривым тоном, чтобы не обидеть, добавляет: – Знать, орехи грызть любим, да?

– Ага, любим, – отвечает Марина без тени жеманства, не стесняясь улыбнуться в ответ. – Вот денег, может, заработаю, фарфоровые вставлю. Фарфоровые сейчас в моде. Не слышали?

– А едешь-то куда? – переходит на «ты» водитель и одновременно указывает кивком головы на букет, привязанный к перилам мостика, который они проезжают, замедлив ход. – Кто-то гробанулся недавно.

– Угу. А еду я к тётке во Владимир. Поживу с недельку—другую и привезу её сюда на свадьбу к сестре. Поезд в час ночи. И билеты дорогие. Сто шестьдесят отдала. Пятьдесят осталось на дорогу. А ничего, ночью не обедают, а утром уже на месте.

– А чего так рано собралась? Целый день надо где-то болтаться.

– На базар зайду посмотреть. К знакомой загляну. Небось, чаем напоит. Потом и по вокзалу можно побродить.

– То-то, я гляжу, тепло приделась.

– Да, вечером прохладно.

– Не боишься ночью бродить? В Москве на вокзале всякое случается.

– А чего с меня взять? – и опять невинное простодушие в голосе.

– Ну как... – Мужчина лукаво подмигивает попутчице. – Молода и ничего себе, в натуре.

Замужем?

– Почти что.

– Как это?

– Сидит, голубчик. За драку. Ещё долго. Пишет исправно, обещает жениться. Дочь-то его. Не знаю, может и не врёт.

– И сколько дочери?

– Шесть будет скоро. Почки у неё болят.

Мужчина опять оглядывает попутчицу. Она едва заметно усмехается.

– Да мы с ним в пятнадцать лет... Случайно, правда, по неопытности ещё. Резинка некачественная оказалась.

– Во как.

– Угу. Отец не разрешил делать аборт. Внучку любит. В сад её отводит и забирает после работы. Он теперь истопником в кочегарке, рядом. Мало платят только. А в деревне вообще ничего не светит.

– Ладно, если так. Давай познакомимся, что ль. Володя.

– А отчество ваше?

– Без отчества не можешь?

– Могу, конечно... Володя. Меня Мариной зовут.

«Возможно, – думает мужчина, – так же как и меня Володей, впрочем.»

– А что, Мариша, не прокатиться ли нам до озера какого, не позагорать ли? Раз на поезд рановато...

– Почему бы и нет, – сразу соглашается она.

Он замедляет ход, сворачивает к сельскому магазинчику.

Потом они едут по пыльному просёлку, петлявшему среди скошенного пшеничного поля.

На подъезде к озеру он говорит:

– А у меня тоже нет с собой резинки.

– Не страшно, у меня пружинка.

– А ты опытная барышня.

– Да. Я медсестрой работала два года. Могу всё, что мужчине требуется.

Он загоняет машину на полянку прибрежного лесочка, достаёт из багажника бутылку вина и пакет с закуской, старый полушубок, она в это время находит укромное и ровное местечко у застарелого кострища.

Отдыхая, они продолжали разговор, вернее, говорила всё больше она.

– Хочется сестрёнке на второй день свадьбы отрез на платье купить.

«Хотеть не вредно», – соглашается он мысленно и смотрит на часы.

– Ты женат?

– Да.

Она берёт его ладонь, рассматривает, проводит пальцем по линиям.

– У тебя трое сыновей. Резкий поворот в судьбе. Жить тебе ещё долго...

– И сколько?

– Лет до восьмидесяти.

– Сойдёт.

– Бабушка моя гадать меня учила. Заговоры разные передала. Знаешь, она когда умирала... вдруг жаренного луку захотела. И прямо руками со сковороды. Я говорю отцу: чего-то тут не так. Помрёт, должно. И, правда, прихожу в школу, а у меня портфель – чок и развалился. И дурно мне стало вдруг, в обморок упала. Это было в десять часов. И дома часы на десяти ровно остановились.

– Отец-то пьёт?

– А кто в деревне не пьёт нынче. Когда я ходила беременной, заказывал: роди внуку, пить брошу. А что, говорю, внука хуже?

– Не бросил?

– Некоторое время не пил. А потом с работой нелады: ферма закрылась, слесари не нужны стали. Я вот тоже...

– Что же он сейчас употребляет?

– Сивуху, что ещё. Я возьму с собой оставшееся вино, ладно? Ты всё равно не пьёшь.

– Бери, конечно. И всё остальное.

– Искупаться разве? – Она легко поднялась, скинула кофточку, которую раньше не снимала из-за комаров, и пошла к воде.

– Бр-р, – сказал он, – холодная, небось. Смотри далеко не заплывай, а то я плавать не умею, спасти не смогу.

– Не, я рядышком.

Он сел, обхватил руками волосатые ноги, задумчиво смотрел на стройную фигурку.
«Приодеть тебя если, хороша... хороша...»

Марина плюхнулась в воду и поплыла по-собачьи, у мужчины слегка сжалось сердце, и он приготовился прыгнуть за ней, и даже поднялся на ноги, когда она, неуклюже разворачиваясь, захлопала по воде ладонями.

– Ну ты пловчиха, чёрт возьми! – сказал, радуясь за то, что она сама добралась до берега.

– О-о, зам-мечательная водичка, – на цыпочках прошла она к кустам, где развесила свою одежонку, стала одеваться.

– Подожди, – сказал он, не сводя с неё глаз, – поди сюда...

Позже, лёжа навзничь, он глядел на облака, она же, опершись на локоток, поглядывала на его профиль.

– А ты не старый совсем.

– Спасибо. Сейчас поедем. Или и мне тоже окунуться, как считаешь?

– Так плавать же не умеешь.

– Ну да.

Он резко вскочил, подпрыгнул на месте и с разбегу бросился в воду. Доплыв до середины озера, он помахал рукой и скрылся под воду. Вынырнул почти у самого берега. Марина стояла по щиколотку в воде, смотрела на него застывшим взглядом.

– У-у, водица – дай боже, – и улыбнувшись, замотал головой, зафыркал.

Ехали обратно по тому же пыльному просёлку, и он закрыл окна от пыли и включил обдув.

– Я подремлю маленько, – сказала она, – разбудишь меня у города.

Он кивнул. Время от времени он, уже выбравшись на шоссе и открыв окно, поглядывал на её утомлённое личико и чему-то улыбался.

Напротив рынка она попросила остановить.

– Погуляю ещё, время много. Ты на работу?

– Да.

– У тебя денег нет?

– К сожалению. На мели. Подвеска, вишь, стучит, дворники не работают. Всё никак не соберу... – Он достал из-за сиденья фонарь такси и поставил его через окно на крыше. – Я не особенно удачливый таксёр, получается.

Она улыбнулась и вышла, неся в одной руке тощий чемодан, в другой свёрток с колготками. «В чемодан убрала бы, что ли,» – подумал он, трогая с места рывком.

Пройдя через рынок, она вышла на площадь и, перейдя её, направилась к стоянке, на которой с дальнего краю, стояла грузовая фура. В кабине спал парень. На стук Марины он поднял всклокоченную голову, улыбнулся заспанно, распахнул дверь.

– Пришла-таки. А мне уж ехать надо, а всё жду... закимарил даже.

Как только Марина взобралась в кабину, он завёл мотор, и они поехали. Рейс был дальний, парень то и дело улыбался, поглядывая на подругу.

– Чё хмурая такая?

– Не выспалась. Корову надо было подоить, то да сё.

– Отец-то что?

– Ничего. Сказала, что к тётке. Напишу ей, чтоб не проболталась в случай чего.

– Не бойсь, всё будет ол'райт. Не пожалеешь. – Он протянул ей пачку «Марльборо». – Кури.

– Не опасно хоть будет?

– Ты про рэкет, что ли?

– Ну, я не знаю что.

– Всё о'кэй, малютка. Нихто нам трахаться не помешает. А пофартит, с деньгами будем.

Через пару недель Марина стояла на том же месте, где подобрал её таксист Володя, руки не поднимала, всё высматривала красный «жигулёнок». На ней был модный костюмчик и новые сиреневые туфли, на зубы ей, видимо, денег не хватило, поэтому она не улыбалась.

Не судьба

Виктор Иванович (впрочем, по имени обращаться было бы складнее, так как он ещё вовсе не старик, скорее только-только в зрелый возраст мужчины вошёл, сорок четыре справил месячишко назад; кроме того, по натуре и де-факто он совсем не начальник, а добросовестный исполнитель, поэтому до сих пор ощущает себя... ну не мальчишкой, конечно, – молодые люди уже давно обращаются к нему «эй, отец», – однако все мало-мальски самостоятельные по виду представляются ему старше него самого, солиднее; но это к слову) ... так вот, Виктор наш очень рассчитывал сегодня на этой вечеринке, где и вы не лишние, увидиться с Мариной Осиповой. Её так и вообще рано по отчеству величать, как, собственно, и всех женщин до самой-самой старости, когда уж прямо так и обращаются: баба Нюра, баба Глаша. Марине то есть всего двадцать пять. И вот, значит, от страстного желания увидеть её он никак не избавится от ощущения некой размытости сознания, хотя вечеринка длится уже более часу и Виктор успел пропустить три рюмки водки. Ладони у него время от времени начинают потеть, а в ушах от напряжённого ожидания начинает хрустально позванивать, будто рядом на столе от топота танцующих соприкасаются бокалы. Он даже несколько раз отставлял друг от друга эти бокалы, хотя они и стояли порознь.

Деять лет назад тут же, в этом овальном мореного дуба зальчике (он только никак не вспомнит, какое празднество было в тот раз), он танцевал с Мариной вальс. Ну да, с шестнадцатилетней девушкой (очень-очень красивой, он ей так и сказал; и прибавил, что будь он не женат, тут же бы предложил ей руку и сердце), именно вальс, тогда как все кругом дёргались, прыгали, скакали, гыгыкали... Ну, представляете себе стиль, когда уже никому ни до какого стиля, а музыканты тоже, зная, приняли сверх меры и каждый вытворял на своём инструменте в ту меру своей гениальности, которой о ту пору грезил. А они, Виктор с Мариной, тихо, незаметно, по периметру зала вальсировали себе, вовремя отворачивая от размахивающих руками и дрыгающих ногами молодцов и молодых.

Да вот, всего-то раз и танцевали. Всего-то раз держал он её руку и касался девичьего стройного стана... Утопал, как любят выражаться поэты, в омуте её тёмных глаз. О-о, глаза! Глаза, в самом деле, были прекрасны (ведь он уже не мальчик и давно пленяется не только воображаемым). И вообще, его так поразила её странная несовременность, несвоевременность в этой суетной реальности, застывшей с поразительной быстротой и наглостью всё прежнее, к чему он привык... Будто из прошлого века. И не школу она только что закончила, а гимназию, казалось ему. В ней не было извечной женской поспешности успеть насытиться всем, чем можно, он это сразу почувствовал, едва коснулся её, потому что сделалось ему вдруг покойно, как никогда до этого, хотя и трепетно. В ней присутствовал... да-да, шарм, изюминка, но далеко не вульгарность. Невероятная, неземная соразмерность, отчётливая и неуловимая... точнее, не ухватываемая, как ртуть. При всей какой-то скромности и видимой недоступности (к ней не подлетали и не приглашали на танец все эти оторви-головы, даже на предельном градусе) она была раскрепощена, совершенно не зажата, только не каждому взору это было доступно. Именно-именно, поражала эта внутренняя раскованность её, свобода, взволнованность и вольность тёплой, а стало быть, и ласковой волны, безукоризненной по своей природе... Только кому открыться, кому откликнуться? Не ему ли? И он улыбнулся тогда, предположив, угадав в ней достаточный ум и природную породистость. И даже сказал себе: так не бывает, я слишком, слишком увлекаюсь фантастикой, это от вина...

В течение последовавших лет – быстро пролетевших, впрочем – Виктор Иванович не упускал её из виду. То есть он был знаком с её родителями, и время от времени Марина мелькала перед его взглядом, а мать или отец отпускали в её адрес какое-нибудь замечание. Потом он узнал, родители её развелись, отец уехал работать за границу, поскольку на родине его про-

фессия не востребовалась, заниматься же чем-либо другим он не захотел (это всё в интерпретации знакомых и друзей), а мать Марины вновь вышла замуж...

И вот недели две назад, встретив Вассу Ильиничну, Виктор Иванович ни с того – ни с сего (а может быть, окрылён был тем, что, наконец-таки, нашёл-таки работу, которая позволяла ему не просто сводить концы с концами, но и...) выпалил вдруг – ей, Вассе Ильиничне, – что никак не в силах освободиться от чар её дочери. Ну, естественно, то было преподнесено по вдохновению, с этакой игрой, позволявшей и отступить, и отшутиться, но Васса Ильинична, зная очевидно, что Виктор не так давно овдовел, восприняла его признание и всерьёз, и с воодушевлением, сказала просто и ясно: Марина, дескать, все эти годы только и бредит тем вальсом, когда Виктор Иванович наговорил ей тонких комплиментов. Виктор Иванович смутился настолько, что язык у него стал шершавым, и он в продолжение минуты-полтора боялся что-либо произнести. Хорошо ещё, Васса Ильинична говорила, говорила всё так же ясно и без жеманства, и подвела всё к ключевой фразе:

– Если мне случится быть вашей тёщей, уважаемый Виктор Иванович, то я буду чрезвычайно довольна. Засиделась девка, ей-богу. И этот ей не по нраву, и этот, такая прям разборчивая, мочи нет. Я её чуть ли не взащей выталкиваю. Кстати, она сейчас у отца в Германии, к праздникам должна вернуться. Если вы будете...

Ну и так далее.

И вот Виктор Иванович сидит в углу стола, никак не откликается на приглашения бойких дам потанцевать («Клуб знакомств, чёрт возьми!») и ждёт, ждёт... с нарастающим вдохновением. И одновременно уже начинает беспокоиться, что Марина почему-либо не приехала. И матери её также нет... стало быть, что-то нарушилось. Что-то не сошлось. Или как там у Штирлица? Ну, бывает. Не сегодня – так завтра, не завтра – так послезавтра. Что он, мальчик, умрёт от нетерпения?..

И всё же он не выдержал и осторожно поинтересовался у соседки по столу:

– Или я не вижу, или они не пришли пока? Я имею в виду Осиповых.

– А вы не слышали разве?

– Что?

Соседка уже отвлеклась, что-то там наблюдая в гуще танцующих.

– Что вы имеете ввиду? – он тронул её за пупырчатый рукав.

– Так в Германию уехала.

Виктор Иванович молчит, ждёт продолжения: ему подумалось, что соседка сказала ему про Марину.

– Я про Вассу...

– Так и я про неё. Уехала дочь хоронить. Машиной сбило. Была и нету... – соседка намеревалась прибавить ещё что-то, но глянув на собеседника, осеклась.

Он вышел на крыльцо кафе. За ним в неприкрытую дверь мягко последовала кошка, но увидав сыпавший сверху снег, попятилась назад, и кто-то за порогом подтолкнул её ногой:

– Ну, давай, давай! Ишь, избаловалась. Подыши-ка свежим озоном...

Постояв в оцепенении, Виктор Иванович закурил. Мимо по дороге чавкали по грязному шоссе автомобили, под косыми лучами снега бежали прохожие... Всё показалось Виктору Ивановичу ненужным и чужим в этом холодном, промозглом мире.

Забыв в гардеробе свой тёплый плащ, он, выждав между машинами интервал побольше, перебежал дорогу, и отправился домой. Ему подумалось, что он выпил плохой водки и у него начинается астма...

Ниночка

Вынужденная, можно сказать, прамбула. О названии рассказа.

Собственно говоря, мы писали не о Ниночке – она даже не то, что не главный персонаж, она всего-навсего побудительный импульс к разговору о двух... самцах. Ну да. А впрочем, какой сочинитель может наверняка сказать, какая дичь у него вышла из-под пера? Сочинять начинает он с одной установкой, затем же, глядь, а вышло не вполне ожидаемое, даже вовсе, бывает, не то, о чём помышлял изначально. Так что рассказик надобно переименовать – это точно. Скажем, «Бодались два барана...» Нет, лучше, уместнее, пожалуй, – бычка. Два. Из-за одной овечки. Ой, то бишь тёлочки. Но это опять – лишь обозначение темы, а не подходящее наименование. Посему пускай покуда так и останется – «Ниночка», хотя, повторяю, в повествовании её, по сути, и нету. Она – тот самый условный раздражитель, указывающий, из-за кого и по какой причине столкнулись двое мужчин. А вот чтобы она явилась в прописанном тщательно – пластически и психологически – художественном образе (живьём, так сказать), надобно, мои хорошие, и даже *следует* проследить её в процессе развития, то есть в изменяющейся внешней и внутренней составляющих. Однако за женскую натуру мы, пожалуй, не возьмёмся. Для нас психология прекрасной половины человечества до сих пор не доступна. Увы и ах. И вряд ли будет... Но ничего не поделаешь. Таковы наши скромные возможности. Выше головы, как говорят, не прыгнешь. Вот мы и не прыгаем понапрасну и не скачем самоуверенными... Ну, про козлов и коз мы в другой раз как-нибудь...

1

Евгений Петрович увидел Ниночку, когда ей только-только исполнилось двенадцать – её отец, Ромуальд Осипович, стал его новым начальником. Ну, та самая пора, когда девочки-отроковицы начинают влюбляться – в своих учителей, знакомых своих родителей ил совершенно незнакомый и даже случайных прохожих.

За полгода до этого в горах при сходе лавины погибла жена Евгения Петровича, Светлана, она была инструктором по выживанию в экстремальных условиях. Здесь же, к слову, Ромуальд Осипович овдовел тоже сравнительно недавно – полтора года назад, и поэтому, видимо, очень хорошо понимал состояние своего подчинённого.

Евгений Петрович привязался к Ниночке как дочери, своих детей у него не было. Банальная, в общем, история. Вот только что в нашем мире не банально?

И вот пролетели быстрых – очень быстрых, если оглядываться – шесть лет. Ниночке исполнилось восемнадцать, Евгению Петровичу тридцать восемь. Далее, чтобы избежать многословия, просто констатируем: они поженились. Ромуальд Осипович их благословил, сам вскоре почил, как говорится, в бозе и уже с неба наблюдал за счастьем своей ненаглядной дочурки.

Пару лет Евгений Петрович и Нина жили если и не как в медовый месяц, то уж точно, как в розовом тумане. Евгений Петрович не переставал восхищаться своей молодой женой. В этом с его стороны было что-то ребяческое – вроде как нашёл себе кумира...

За такие два года иной отдаст всю свою жизнь. Бывает, наверно. Мы даже и не взяли бы описывать такое состояние души и тела.

Однако вскоре после этого стал Евгений Петрович замечать некоторые перемены в поведении Ниночки. Он, кстати, уже давно удивлялся – отсутствию перемен. Всё-таки быт есть быт, жизнь есть жизнь – не способен человек *гореть* бесконечно. Можно попросту сгореть напрочь. Евгений Петрович уже начинал слегка тосковать по ровным, дружески-нежным отношениям, когда приходят мысли о детях, их проказах, забавах, а планировать такие серьёзные шаги нужно – и лучше, считал он, – когда глаза и мозг не застит, не туманит безудержная, безоглядная страсть.

Но перемены переменам рознь. Стало Евгению Петровичу бросаться в глаза и другое – как-то иначе поглядывают на него знакомые. Одни вроде с сочувствием, другие с усмешкой и неким таким хитреньким любопытством. Да в чём дело? – задал он себе вопрос, наконец, без обиняков. А поскольку человек он взрослый, то...

Словом, и хотелось бы иной раз сунуть голову в песок и не знать ничего, да по размышлению здравому придёшь к выводу: лучше худая правда, чем сладкий самообман. Или нет?

Но что же он сделал? Вы правы: он нанял детектива. И когда тот подтвердил *страшную* догадку, то уже самостоятельно, не теряя самообладания, продолжил слежку – теперь это было не трудно. Пользуясь видеокамерой, *внедрённой* оплаченным детективом, он имел возможность быть свидетелем разнообразных сцен... В пылу негодования хотел было разорвать отношения, но... не угадаете, что остановило его. Две пары глаз.

Её любовь в её глазах к *этому типу*... И глаза *этого типа* – совершенно не излучавшие тепла к своей визави. Да, излучавших не тепло и любовь, но обычную похоть.

Евгений Петрович затаился. Что он пережил за эти месяцы?.. И уезжал он, и пропадал без предупреждения – ничто не взволновало его Ниночку. Она жила своей всепоглощающей любовью... и странное поведение законного мужа её не задевало.

Евгений Петрович воображал себе различные финалы этой истории. Тысячу раз проиграл в уме он и роль Отелло, и спокойного, рассудительного (ведь он старше, опытнее) мужа, отпуславшего свою жену с благословением... Не предвидел лишь того, что произошло на самом деле. *Этот тип* сам разорвал отношения – ну да, расплатился (был он весьма состоятельным) и *сделал ручкой*. Кстати, *эти* деньги Ниночка сожгла. Достоевского, что ли, начиталась?

А вот Евгений Петрович был осуждён после этого наблюдать за тем, как его возлюбленная сходит с ума. Нет, когда она сжигала в камине *плату за услуги*, в нём и мысли не мелькнуло, что это не нормально. Как раз именно такой поступок он посчитал естественным порывом оскорблённой женщины. Но затем Нина стала угасать, заговариваться, предприняла попытку суицида, после чего и попала в психбольницу. Между прочим, Евгений Петрович понимал, что Ниночке можно было б помочь, имей она возможность выговориться, выплакаться на плече сочувствующего человека, но такого человека не нашлось. Себя в таком качестве он предложить не посмел. Или не сумел.

2.

И вот Евгений Петрович сидит с Ниной в уютном сквере лечебного учреждения на скамейке и, поглядывая на её замкнутое личико, думает – или правильнее сказать: повторяет затверженную мысль: «Оказывается, я всё ещё люблю тебя...»

Носик вроде и не велик, аккуратненький, но в сочетании с чуть уменьшенным в пропорции подбородочком, придаёт её облику что-то очень милое. А может, просто она вся целиком в его вкусе? И голос, и характер, к тому ж, – всё говорит о покладистости и тонком уме. Что же такое надо предпринять, чтобы вернуть былое?.. Ну, или хотя бы пробудить её?.. не понятно, как ей помочь...

– Ты знаешь, на днях звонил один человек... голос мужской, приятный... спрашивал, как тебя повидать... Это что-то по работе?

Нина поднимает глаза, в них некий проблеск мысли, некая искра:

– Когда?

– Что? Не слышу...

3.

«Я не собирался записывать этот разговор... мой с *ним*. Просто когда *он* возник в моих дверях и я увидел его глаза – глаза человека уверенного в себе, верящего в *свою* правду, в *своё*

право быть по отношению к другим жёстким, неумолимым и ещё масса эпитетов, которые бы обозначали предельно эгоистич... Впрочем, не моё это дело – судить. Я лишь сообразил, что не смогу разобраться сразу – как быть, как поступать... Потому и решил включить камеру, чтобы посмотреть ещё после и подумать...

Он раскрепощено прошёл в комнату, устроился в кресле, положив ногу на ногу, слегка и неопределённо улыбаясь. Я подумал – без злобы и без прицела на месть, что вряд ли мне удастся *вмазать* ему по физиономии, если захочется: крепкий малый, накаченный, да и моложе меня, видишь ли...

– Итак, о чём же вы хотели со мной поговорить? – спросил он, а сам осмотрелся. Осмотр, впрочем, его был поверхностный, рассеянный – похоже, он, и в самом деле недоумевал, как это так согласился посетить мою бедную халупу: из любопытства? Из желания поглазеть на мужа своей бывшей любовницы? Зачем?

Я присел в кресло напротив, за столик, опершись локтями о столешницу, увидел в лаковом отражении своё лицо и поспешно откинулся на спинку: лицо моё даже в таком «зеркале» было... ну не важно.

– Спасибо, что пришли.

Он нетерпеливо поморщился.

– Видите ли... вы, очевидно, знаете: Нина в психиатрической лечебнице.

Он вздохнул и скептически прищурил один глаз.

– Да, – продолжил я поспешно, понимая, что надо бы успеть раскрутить свою мысль до того, как он устанет меня слушать: он мог уйти, наверно, и не попрощавшись. Взять и уйти на полуслове, на лестничной площадке его поджидала охрана, способная одним пинком вышибить мою ординарную дверь. А мне надо было до зарезу, чтобы он согласился на моё *предложение*, а для этого надо быть не только умно-лаконичным, но и убедительным. – Нина, как вы прекрасно понимаете, заболела вследствие того, что вы её покинули... нет-нет, я не собираюсь никого ни в чём упрекать! Хочу лишь предложить одну партию разыграть... игру, так сказать.

Он с интересом глянул в мою сторону.

– Да-да, игру. Как только Нина окончательно выздоровеет, я её подготовлю, я ей всё объясню, она уже не будет реагировать столь болезненно. Этот слом душевный у неё сугубо возрастной... Как только поправится, я...

Он:

– Какова ж игра?

– Пообщайтесь с ней. Скажите, что по-прежнему любите, что ждёте, когда она вернётся...

Он:

– Вы уверены, что я на такое способен?

– Без всякого сомнения.

Он:

– А знаете, сколько у меня таких Нин?

– Но все остальные здоровы.

Он:

– Хм.

– Я могу вам заплатить.

Он:

– Мне? Заплатить? – И глянул уже более внимательно. — Вы что же, подпольный миллиардер?

– Прошу прощения, если задел ваше самолюбие. Но речь о том, чтобы вернуть человека к жизни. Неужто вам трудно пару раз навестить женщину, которую вы любили, которая вам...

Он:

– Любил? Нет, уважаемый, мне попросту хотелось развлечься... Можно вопрос?

– Да... конечно.

Он:

– Зачем вы женились на молоденькой?

Что отвечать? – я не знал. Смотрел на него, покусывал губы (он не улыбался, нет): ну что, в самом деле, я мог ему ответить: влюбился, мечтал воспитать себе не только жену, но и сердечного друга?.. В такой бред мало кто способен поверить.

Он:

– Хорошо, не напрягайтесь. Но вот что я вам скажу. Поговорили и всё – закончим на этом. Она – ваша жена, поступать или не поступать как-либо – ваше право. А меня увольте. Мне скучно играть в подобные игры, да и некогда. – И он поднялся из кресла, оглядел сияющие носы своих дорогих башмаков, точно силился сообразить: достаточно ли убедительно он изложил своё видение проблемы. – Пока, друг мой. Не поминайте лихом. Дело ведь житейское. Ну а если потребуются деньжата, не чинитесь, обращайтесь. Чем смогу – помогу.

– Разве что на киллера.

– Ха-ха-ха! Смешно.

И смех его был неподдельно искренен.

И ушёл. А я остался на месте... раздавленный червь!»

4.

А вот Ниночка уже дома. Возможно, молодость взяла своё, и она теперь вполне здорова. Она разбирает видеокассеты, желая, очевидно, найти то, что ей хотелось бы сейчас посмотреть. На одной из кассет нет никакой наклейки, и Ниночка вставляет её в гнездо видеомангитофона.

Нет, вы ошибаетесь – Евгений Петрович давно стёр те кадры, которые могли бы сокрушить неустойчивую психику. Оставил лишь...

«Приложение. Глухой баритон Евгения Петровича:

*Не желаю возврата я к прошлому.
Не хочу ничего от тебя теперь.
Почему же ты вдруг воротилась на круг
наших общих с тобой потерь?*

*Я не верю тому – никому, ничему, —
что возможен возврат той любви.
Лишь себе одному непременно верну
те часы с тобой, те минуты с тобой...
когда буду готов вполне.*

*Оттого ли, что ты, оттого ли, что я
путь совместный прервали давно,
Но разнятся теперь наши души и ум,
и сойтись им уже не дано.*

*И, однако ж, поверь,
я, как загнанный зверь,
нашей той любви
не предам.
Потому что одна*

*в моём сердце звезда.
Остальное же всё
от потерь.*

*И усталость и хворь,
и занудство и боль
не должны омрачить
той любви.*

*Так оставь же надежду
на прошлое.
Посмотри же себя округ.
Я твой преданный друг,
я твой истинный друг.
Но не более
этого.*

– Нина. Эту запись я сделал давно. Когда только ещё узнал о твоей связи с...

Евгений Петрович делает паузу и минуту-другую устало глядит с экрана:

– Теперь это не имеет никакого значения. Мне кажется, что ты ко мне вернулась...»

Вера, ау!

Он ходил по комнате, курил и в который уж раз никак не мог решить *некую задачу* в отношении дополнительного заработка. Нечаянно его внимание привлёк голос из радиоприёмника. Насторожившись, он стал вслушиваться не столько в смысл, сколько в знакомый именно бархатным тоном голос. Нет, он не мог спутать, не мог обознаться – это её голос. И как раз, заканчивая рекламу, она сказала: «С вами была Вера Миронова», и повторила номер контактного телефона. Он схватил было ручку, но, выдохнув и усмехнувшись, положил обратно на стол. Нет, нет, это не ему позывные. А жаль.

Как давно это было! Бог мой, целая эпоха. Вихри соцкатаклизмов извертели, закрутили мозги так, что кажется, ты тот давний уже вовсе не ты, а кто-то непоправимо канувший в небытие. Да, когда ж всё-таки это было? Ах да, в девяносто первом, именно так, потому и запомнилось, что совпало с выходом на улицы танков – этих до странности неожиданных, инородных существ в городском антураже... Потом неожиданностей будет куда больше, притом ненормально диких, если вообще не аномальных, но это потом. Значит... значит, семь – восемь лет. Семь или восемь? Тьфу, какой сегодня год?! Да не всё ли равно. Тогда впервые танки, сегодня – уже не впервые – финансовый кризис... Всегда что-нибудь способно быть помехой... и причиной для ошибки либо нерешительности. Или чего ещё?

«Что ж нам тогда помешало?»

Ах да!.. Опять «ах» да «ох». Дрязги в издательстве, где он работал завоём одной из редакций, развалилось. Она, кстати, там же – младшим редактором, ещё только со школы, девчонка семнадцати лет, игривая, смешливая, с лёгким характером, вся такая непосредственная, болтушка... милая болтушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.